

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964) принадлежит к числу писателей, литературная деятельность которых весьма разностороння: лирика, сатира, переводы, драматургия.

Печататься начал с 1907 года.

Воспитанный В. В. Стасовым и М. Горьким, Маршак много сделал для советской детской литературы. М. Горький называл его «основоположником детской литературы у нас».

Первые переводы С. Я. Маршака появились в 1915—1917 гг. в журналах «Северные записки» и «Русская мысль». Это были стихотворения Уильяма Блейка и Вордсворта, английские и шотландские народные баллады.

С тех пор и до конца своей жизни Маршак отдавал много сил и энергии переводческому искусству, создав в этой области настоящие шедевры. Его переводы Шекспира, Блейка, Бернса, Китса и других английских поэтов, а также переводы из Гейне при удивительном сохранении особенностей подлинника явились, по выражению А. Фадеева, «фактами русской поэзии».

В 1961 году вышла книга статей и заметок Маршака «Воспитание словом», в которой поэт наряду с другими проблемами литературного мастерства глубоко и всесторонне остановился на особенностях переводческого искусства.

С. Я. Маршак был лауреатом нескольких Государственных премий. В 1963 году ему была присуждена Ленинская премия за книгу «избранная лирика».

М А С Т Е Р А   П О Э Т И Ч Е

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. АНТОКОЛЬСКОГО, Е. ВИНОКУРОВА,
М. ЗЕНКЕВИЧА И Б. СЛУЦКОГО**

ВЫПУСК 16

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“

С К О Г О   П Е Р Е В О Д А

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

СТИХИ

ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

В ПЕРЕВОДЕ

С.Маршака

МОСКВА 1972

СОСТАВИТЕЛЬ И АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ
Л. ГИНЗБУРГ
РЕДАКТОР ВЫПУСКА
Б. ШУПЛЕЦОВ

*Редакция художественной
литературы*

7-44
79—72

С. Я. МАРШАК И ЕГО ШКОЛА

В истории советской поэзии переводческое творчество Маршака занимает особое место. Признанный классик детской литературы, выдающийся лирик, драматург, автор широко известных сатирических стихотворений и эпиграмм, он, возможно, более властно и убедительно, чем кто-либо другой из современных поэтов, узаконил художественный перевод в правах самостоятельного литературного жанра, а работу переводчика приравнял к оригинальному поэтическому труду.

Тем, кто следил за развитием нашего литературного процесса, наверно, еще памятны ожесточенные споры о праве переводчиков именоваться писателями.

Именно в разгар этих споров Маршак озабоченно писал К. И. Чуковскому о воинствующих невеждах, упорно не понимающих, что перевод — это «искусство, и очень трудное, и сложное искусство».

«Сколько стихотворцев, — писал Самуил Яковлевич, — праздных и ленивых, едва владеющих стихом и словом, носят звание поэта, а мастеров и подвижников перевода считают недостойными состоять в Союзе писателей. А я на своем личном опыте вижу, что из всех жанров, в ко-

торых я работаю, перевод стихов, пожалуй, самый трудный...» *

На протяжении долгих лет Маршак неутомимо осуществлял службу связи (термин, которым он обозначал художественный перевод), сближая между собой времена и народы и обогащая отечественную культуру величайшими духовными ценностями.

Продолжатель лучших переводческих традиций русской поэзии, он создал свою систему воспитания словом, свою школу, которую прошли и в которой выросли многие мастера перевода.

Для учеников Маршака его школа начиналась с того, что он отучивал от бездумности, от легкомыслия и тугодумства, от небрежности и «чистописания».

«У стихотворения должны быть отец и мать: автор и переводчик...»

«Переводя, смотрите не только в текст подлинника, но и в окно...»

В этих замечаниях, как бы невзначай оброненных учителем, содержалась важная программа, скорее этическая, чем эстетическая.

«Отец и мать...» — следовательно, ты, переводчик, наравне с первоначальным создателем несешь ответственность за судьбу стихотворения, за то, каким оно из-под твоего пера выйдет в жизнь, а «дурной перевод — это клевета на автора...» **

«Смотреть не только в подлинник, но и в окно...» — значит, переводя чужие стихи, ты не сме-

---

* К. Чуковский. Высокое искусство. М., «Искусство», с. 212.

** С. Маршак. Воспитание словом. М., «Советский писатель», 1961, с. 222.

есть оставаться бесстрастным читателем подлинника, а обязан включить свои собственные эмоции, свое собственное восприятие жизни и отношение к ней, опираться на свой собственный опыт, иными словами, должен обладать мировоззрением, без которого никакой литературный труд, в том числе и переводческий, невозможен.

«Чтобы по-настоящему, — писал Маршак, — не одной только головой, но и сердцем понять мир чувств Шекспира, Гёте и Данте, надо найти нечто соответствующее в своем опыте чувств» *.

Наличие мировоззрения Маршак считал первостепенным достоинством переводчика и поэтому так высоко ценил, скажем, Курочкина, который в переводах из Беранже выступал пламенным «шестидесятником», или Михайлова, для которого переводы из Гейне были средством пропаганды революционных идей.

Эмоциональная немощь, равнодушие, безыдейность слыли в школе Маршака самыми тяжкими пороками. В равной мере презирая невежество и безжизненную ученость, Маршак выше всего ставил сочетание непосредственности таланта с культурой, первородной, «земной» силы — с энциклопедической образованностью.

Реалистический метод перевода складывался в школе Маршака из глубокого понимания жизни и реалистического отношения к ней, из постижения мировой культуры и беспрекословной верности нравственным и литературным нормам великой русской словесности.

Естественно, что и в школе Маршака не раз возникала извечная проблема точности перевода, то есть вопрос о том,

---

* С. Маршак. Воспитание словом. М., «Советский писатель», 1961, с. 221.

как смотреть не только в «окно», но и в подлинник — вопрос, на который он дал вполне ясный ответ:

«Точность получается не в результате слепого, механического воспроизведения оригинала. Поэтическая точность дается только смелому воображению, основанному на глазомером и пристрастным знании предмета» *.

К этому необходимо добавить, что сам он неизменно демонстрировал это «пристрастное знание» в своих отточенных и многократно сверенных с подлинником переводческих шедеврах, где его собственный голос так органически слился с голосами переведенных им авторов благодаря не только художественному, но и научному проникновению в смысловую и языковую ткань оригинального текста. Переводчик великих поэтов, он был одним из самых блестящих знатоков их творчества, их времени, литературы их стран и народов.

Вообще тот размах, который приняло у нас научное, филологически достоверное издание переводной художественной литературы, без непосредственного и горячего участия С. Я. Маршака, работавшего рука об руку с виднейшими учеными-филологами (академик С. Ф. Ольденбург, академик В. М. Жирмунский, проф. М. М. Морозов и др.), был бы просто немислим. Хотелось бы напомнить о той роли, которую он сыграл в возрождении горьковской «Библиотеки всемирной литературы», в создании библиотеки «Сокровища лирической поэзии», одним из основателей и первым редактором которой он являлся.

Справедливо причислить Маршака к наиболее неутомимым и мужественным бойцам культурной революции в на-

---

* С. Маршак. Воспитание словом. М., «Советский писатель», 1961, с. 224.

шей стране, которая, как и всякая революция, требовала от ее участников полной самоотдачи и твердости.

В годы, когда великий язык русской классики подвергался то натиску со стороны всевозможных «экспериментаторов» и трюкачей, возомнивших себя единственными наследниками Маяковского, то злостной канцеляристской порче, Маршак, всецело поддержанный Горьким, отстаивал неприкосновенность и чистоту русского слова, русского стиха. Наследие, доставшееся от Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, он, как верный хранитель, сберегал прежде всего и лучше всего в своих переводах. Вот почему народная баллада «Королева Элинор» и 66-й сонет Шекспира, «Ночлег в пути» Бернса и «Слава» Китса, «Люси» Вордсворта и «Томми Аткинс» Киплинга, переведенные Маршаком, были всенародно приняты в золотой фонд русской советской поэзии.

Собственно, Маршак был первым советским поэтом, для которого перевод стал главным делом жизни: не увлечением и развлечением, не средством дополнительного заработка и, уж во всяком случае, не отдыхом от тех или иных бурь времени и превратностей судьбы. «Переводил я не по заказу, а по любви», — признавался он в своей автобиографии...*

Сошлюсь на слова Корнея Ивановича Чуковского из его книги «Высокое искусство»:

«Вообще как-то странно называть Маршака переводчиком. Он скорее конкистадор, покоритель чужеземных поэтов, властью своего дарования обращающий их в русское подданство. Он так и говорит о своих переводах Шекспира:

---

* С. Маршак. Собр. соч. Т. 3, М., «Художественная литература», 1969, с. 749.

Я перевел Шекспировы сонеты.
Пусть поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты».

Превыше всего в Шекспире, как и в Блейке и в Бернсе, он ценит то, что они все трое — воители, что они пришли в этот мир угнетения и зла для того, чтобы сопротивляться ему:

Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: потрясай копьём.

«Потому-то и удалось Маршаку перевести творения этих «потрясателей копьями», — пишет далее К. И. Чуковский, — что он всей душой сочувствовал их негодованиям и ненавистям и, полюбив их с юношеских лет, не мог не захотеть, чтобы их полюбили мы все — в наши советские дни, в нашем краю планеты...» *

В читательском сознании имя Маршака неразрывно связано как с его собственными, ставшими хрестоматийными стихами, на которых выросло уже несколько поколений читателей, так и с его переводами. Действительно, трудно провести грань, отделяющую Маршака-поэта от Маршака-переводчика: настолько маршаковские переводы отмечены неповторимостью его творческой личности, индивидуальностью его почерка, одному ему присущей интонационной манеры. Как не узнать руку Маршака в знаменитом переводе из Бернса?

---

* К. Чуковский. Высокое искусство. М., «Искусство», 1964, с. 204—205.

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами.

Однако кто не почувствует незримое присутствие переведенных Маршаком его поэтических побратимов в стихах самого Маршака?

Все те, кто дышит на земле, —
Привсем их самомнении, —
Лишь отражения в стекле,
Ни более, ни менее.

Каких людей я в мире знал,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зеркал
Как будто тряпкой смыло

Я знаю: мы обречены
На смерть со дня рождения.
Но для чего страдать должны
Все эти отражения?..

Когда на обложках многих переводческих книг Маршака имя переводчика стояло над именем автора, то это не было просто привилегией прославленного мастера, а отражением самого существа его работы.

Однако пора хотя бы в нескольких словах пояснить, что мы понимаем под «неповторимостью творческой личности» и «индивидуальностью почерка» Маршака, иначе говоря, попробовать вкратце охарактеризовать его поэтические пристрастия и особенности, а также задачи, которые он перед собой ставил.

Публикуя свои первые переводы из Блейка в журнале «Северные записки» (1915 и 1916 гг.), Маршак предположил им небольшое введение, из которого достаточно отчетливо видно, что в английском поэте, с которым он не расставался до конца своих дней, его привлекало прежде всего «живое... чувство природы, простота и ясность форм, глубина мистицизма и смелость воображения...» *.

Много позже (в 1958 г.), говоря о другом поэте — о Гейне, — Маршак подчеркнул его «близость к народной песне» и то, что Гейне «в своих сложных лирических стихах чудесно сохраняет характер безыскусной, непосредственной, даже наивной детской песенки...» **.

Именно эти свойства, подмеченные им в Блейке и в Гейне, в полной мере присущи и Маршаку — поэту и переводчику.

Ошибется тот, кто вознамерится отделить в переводах Маршака «простоту и ясность форм» от «глубины мистицизма», «близость к народной песне» от «смелости воображения», сложность от безыскусности: достаточно вспомнить такие разные, непохожие друг на друга, но принадлежащие одному владельцу переводы, как сонеты Шекспира, «Тигр» и «Хрустальный чертог» Блейка, «Старую дружбу» и «Финдлея» Бернса, «Расставание» Байрона и «У моря» Теннисона,

---

* С. Маршак. Собр. соч. Т. 3, с. 789.

** Там же. Т. 4, с. 628.

«К Миньоне» Гёте и «Дом, который построил Джек» из английской народной поэзии для детей, руны «Калеваль» и эпиграммы и шуточные эпитафии английских и шотландских поэтов.

Один этот перечень уже говорит о многом.

Но Маршак не был бы Маршаком, если бы, открывая русскому читателю поэтов разных времен и народов, ограничился бы чисто просветительскими или формальными задачами, а не преследовал ту главную цель, о которой он писал в связи с переводами сонетов Шекспира:

«Не в передаче стилистических архаизмов я видел свою задачу, а в сохранении того живого, что уцелело в сонетах до наших дней, что, конечно, переживет нас, наших детей и внуков...» *

Но все это невозможно было бы осуществить, если бы Маршак в своих переводах лишь «консервировал» традиции классиков, не пользуясь всеми достижениями и открытиями новейшей русской поэзии, вплоть до Хлебникова и Маяковского.

Материю песни, ее вещество
Не высосет автор из пальца.
Сам бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца.

(Из Гейне)

Маршаку принадлежит еще одна заслуга. Как никто другой до него, он средствами русского стиха умел создавать как бы «портреты» тех языков, с которых он переводил. На эту особенность впервые обратил внимание А. Т. Твардовский, писавший, что в своих переводах Мар-

---

* С. Маршак. Собр. соч. Т. 3, с. 753.

шак «сделал Бернса русским, оставив его шотландцем. Нигде не найдешь ни одной строки, ни одного оборота, которые бы звучали, «как перевод», как некая специальная конструкция речи, — все по-русски, и, однако, эта поэзия своего особого строя и национального колорита, и ее отличишь от любой иной...» *.

И верно: читая его англичан, мы никогда не спутаем их ни с немцами, ни с французами, ни с итальянцами.

...В твоих горах ютился дом,
Там девушка жила.
Перед английским очагом
Твой лен она прядла.
Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим полям блуждал
Ее прощальный взгляд...

(Из Вордсворта)

Не многие путевые очерки дадут нам возможность так почувствовать Англию, как эти написанные по-русски стихи.

Переводя Гейне, он видел перед собой Германию, как в строках Петефи слышал биение сердца венгерского народа.

Хорошо известна формула Жуковского: «Переводчик в стихах — соперник». Зачастую Маршаку приходилось соперничать не только с авторами подлинников, но и со своими предшественниками — русскими поэтами, которые в прошлом переводили те же стихи, что и он. Кстати сказать, в этом отношении Маршак был крайне щепетилен. При всем

---

* А. Твардовский. О переводах С. Я. Маршака. (См.: С. Маршак. Собр. соч. Т. 3, М., Гослитиздат, 1959, с. 789.)

своим мастерстве он никогда не посягнул бы на соперничество с переводами классическими, «незыблемыми», вошедшими в плоть и кровь русского читателя, более того — счел бы безнравственным, если бы кто-либо попытался заслонить своим переводом, допустим, «Лесного царя» Жуковского или «Не бил барабан перед смутным полком...» Ивана Козлова.

В соперничество Маршак вступал только тогда, когда переводы предшественников его или действительно не удовлетворяли, или оставляли простор для дальнейших решений.

Разумеется, соперниками Маршака бывали поэты никудышные, слабые, победить которых не составляло никакого труда. Однако среди соперников встречались и крупные таланты, яркие индивидуальности. Так, например, «Солнце бессонных» из «Еврейских мелодий» Байрона до Маршака переводил А. К. Толстой, «Они мои дни омрачали» Гейне — Аполлон Григорьев, «Джон Ячменное Зерно» Бернса — Михайлов, Щепкина-Куперник, Багрицкий, и у того же Багрицкого впервые загорланили на русском языке бернсовские «Веселые нищие»:

Плещет жижей пивною
В щеки выпивки зной!
Начинайте за мною,
Запевайте за мной!

Королевским законам
Нам голов не свернуть,
По равнинам зеленым
Залегает наш путь.

В пору, когда в переводе почти безраздельно господствовали унылые буквалисты, напористые и темперамент-

ные строки перевода Багрицкого * вызвали у читателей живой интерес к Бернсу, а предложенная Багрицким интерпретация «Веселых нищих» показалась единственно возможной и достоверной.

И тем не менее спустя семнадцать-восемнадцать лет у Маршака были все основания поспорить со своим «предшественником» и по поводу тех мест, где Багрицкий придерживался текста подлинника, вернее, подстрочника **:

...Ах! Я Марсом порожден, в перестрелках окрещен,
Поцарапано лицо, шрам над верхнюю губою.
Оцарапан — страсти знак! — этот шрам врубил тесак
В час, как бил я в барабан перед французскою толпою.

В первый раз услышал я заклинание ружья,
Где упал наш генерал в тень Абрамского кургана.
А когда военный рог пел о гибели Моро,
Служба кончилась моя под раскаты барабана... —

противопоставив им свой безукоризненный четкий и честный стих:

...Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан...

---

* Впервые перевод Багрицкого был напечатан в 1928 г.

** Своеобразным подстрочником для Багрицкого послужил перевод П. Вейнберга из гербелевской антологии («Английские поэты»).

и особенно по поводу эффектного финала кантаты («Плещет жижей пивною в щеки выпивки зной...»), который при ближайшем рассмотрении оказался всего лишь беглым и весьма своеобразным пересказом того, что написано у Бернса.

Мы проходим в безлюдьи
С крепкой палкой в руках —
Мимо чопорных судей
В завитых париках;

Мимо пасторов чинных,
Наводящих тоску!
Мимо... Мимо... В равнинах —
Воронье начеку.

В отличие от Багрицкого Маршак полностью доверился подлиннику, сохранив не только его форму, но и глубокий внутренний демократизм и ту философию простой человеческой свободы, которая не нуждается ни в какой навязчивой романтизации.

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Несомненно, что Маршаком и в этом его соперничестве руководила (опять-таки пользуясь определением К. И. Чуковского) «страстная увлеченность... даже... одержимость великой народной поэзией...» *.

---

* К. Чуковский. Высокое искусство. М., «Искусство», 1964, с. 203.

Маршак вовсе не придерживается буквалистской точности, а в согласии с законами русской речи и русской поэзии естественно и непринужденно перестраивает или переосмысливает те или иные метафоры и речевые конструкции Бернса. Так, «суды были возведены для трусов, церкви построены ублажать священника» — не то же самое, что «тюрьмы — трусам оборона, церкви — ханжеству приют», однако ни у кого не вызовет сомнений, что мы имеем дело не с пересказом, не с вариациями на тему, а именно с переводом, созданным из того же духовного, смыслового, лексического и даже фонетического материала, что и подлинник.

И все же, показывая читателю состязание между Маршаком и Багрицким, думаешь не столько о победителе, установившем в русской поэзии новые эталоны переводческой точности, новые, высокие критерии переводческого мастерства, сколько о тех неограниченных возможностях, которые для больших поэтов таит в себе перевод как средство поэтического самовыражения, где личность переводчика так причудливо накладывается на личность автора и происходит то слияние жизни с поэзией, о котором Маршак когда-то писал:

Питает жизнь ключом своим искусство.

Другой твой ключ — поэзия сама...

В этом смысле еще более знаменателен 66-й сонет Шекспира — четырнадцатистроичный плацдарм, на котором Маршак встретился с другим своим поэтическим современником — Пастернаком.

В последние годы именно вокруг этих двух, очень разных, но в каждом случае по-своему замечательных переводов возникла литературоведческая полемика, не лишенная

известной доли схоластики *. Едва ли стоит утруждать себя «сталкиванием» Маршака с Пастернаком ради того, чтобы с помощью достижений одного выискивать мнимые недостатки другого.

Нужен объективный взгляд, чтобы увидеть не только разницу между обоими переводами, но и сходство, состоящее в силе таланта и в том, что и Пастернак и Маршак сошлись в своем чисто шекспировском восприятии взаимоотношений между вечностью и временем. Вспомним стихи Маршака, посвященные Шекспиру:

О том, что жизнь — борьба людей и рока,
От мудрецов древнейших слышал мир.
Но с часовой стрелкою Востока
Минутную соединил Шекспир... —

четверостишие, которое так перекликается с пастернаковскими строками о художнике:

Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Примечательно и то, что и Маршак и Пастернак в своих высказываниях о Шекспире сформулировали основные принципы своего творческого метода.

«Переводить Шекспира, — сказано у Пастернака, — работа, требующая труда и времени... Это каждодневное продвижение по тексту ставит переводчика в былые положения автора. Он день за днем воспроизводит движения, однажды проделанные великим прообразом. Не в теории, а на деле

---

* См., например, статью А. Якобсона «Два решения» и некоторые другие материалы в сборнике «Мастерство перевода, 1966». (М., «Советский писатель», 1968.)

сближаешься с некоторыми тайнами автора, ощутимо в них посвящаешься...» *

И еще:

«Нарисовать ли в поэме о девятьсот пятом годе морское восстание или срисовать в русских стихах страницу английских стихов, гениальнейших в мире, было задачей одного порядка и одинаковым испытанием для глаза и слуха, таким же захватывающим и томящим...» **

«Нам легче понять Шекспира, — пишет Маршак, — чем нашим отцам и дедам. Нам довелось увидеть собственными глазами и ощутить собственным существом крутые повороты истории...» ***

И далее:

«Я адресую сонеты читателю XX века, и мне очень важно, чтобы до него дошел весь внутренний жар, таящийся в оригинале, и то удивительное сочетание глубокой мысли и простодушия, которое заключено во многих строчках Шекспира...» ****

Вдумчиво вчитаться в эти слова куда плодотворнее, чем без конца рассуждать о том, что ближе к Шекспиру: «вдохновения зажатый рот» или «мысли заткнут рот», «праведность на службе у порока» или «доброта прислуживает злу»?.. Но в этих же высказываниях таится разгадка, почему Пастернак дал нам 66-й сонет в таком виде:

Измучась всем, я умереть хочу,
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак.

---

* «Литературная Москва», М., Гослитиздат, 1956, с. 803.

** «Мастерство перевода, 1966», с. 104.

*** «Новый мир», 1964, № 9, с. 201.

**** С. Маршак, Собр. соч. Т. 3, с. 753.

И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,

И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушие простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.

Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня... —

а Маршак в таком:

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,

И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

«Переводчик в стихах — соперник...»

В «Лирических эпиграммах» есть у Маршака двустишие
«Переводчику»:

Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

Лев Гинзбург

ИЗ РАЗНЫХ ПОЭТОВ

Из английских поэтов

Вильям Шекспир

1564—1616

Из сонетов

19

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой слезы, плачем — смех.
Что хочешь делай с миром и со мной. —
Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пускай черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит!

21

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.

Пусть они для украшения строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове — правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою, —
Я никому ее не продаю!

23

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, —

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пушкой она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признанием и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

25

Кто под звездой счастливою рожден —
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь — источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел — опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

27

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.

Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее ты входишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью — я всегда в пути.

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

32

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечесть,
Написанные дружеской рукою, —

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по-милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколения.

Но так как с мертвым спор ведут о ни, —
Во мне любовь, в них мастерство цени!

34

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,

Избитого дождем, твой кроткий л у ч , —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

48

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не мог.

А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото — блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль, —
Тебя любой похитить может вор.

В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти.

Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
Приманчивый для самых честных глаз!

52

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновение сокровище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.

Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье,
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.

Пускай скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.

Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

54

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы с в е ж е й, —

Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

55

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетья не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

65

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя — беспомощный цветок?

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?

О, горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..

Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

66

Зову я смерть. Мне видеть невтерпех
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Все мерзостно, что вижу я вокруг..
Но как тебя покинуть, милый друг!

Дабы не мог тебя заставить свет
 Рассказывать, что ты во мне любила, —
 Забудь меня, когда на склоне лет
 Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
 Перебирая все мои заслуги,
 Что поневоле, говоря о друге,
 Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
 Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
 Меня скорей из памяти изгладь, —

Иль дважды мне ответ придется дать:
 За то, что был при жизни столь ничтожным
 И что потом тебя заставил лгать!

Когда меня отправят под арест
 Без выкупа, залога и отсрочки,
 Не глыба камня, не могильный крест —
 Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах,
 Все, что во мне тебе принадлежало.
 Пускай земле достанется мой прах, —
 Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.

Ей — черепки разбитого ковша,
Тебе — мое вино, моя душа.

76

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразием перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

77

Седины ваши зеркало покажет,
Часы — потерю золотых минут.

На белую страницу строчка ляжет —
И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
Для нас таят бесценные уроки.

81

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя — не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют — открытая гробница.

Твой памятник — восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье, — на устах!

90

Уж если ты разлюбишь, — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

94

Кто, злом владея, зла не причинит,
Не пользуясь всей мощью этой власти,
Кто двигает других, но, как гранит,
Неколебим и не подвержен страсти, —

Тому дарует небо благодать,
Земля дары приносит дорогие.
Ему дано величием обладать,
А чтить величие призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,
Хоть сам он по себе цветет и вянет.
Но если в нем приют нашел порок,
Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

102

Люблю, — но реже говорю об этом,
Люблю нежней, — но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излишня.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк, подобно соловью;
Свое пропел и больше не пою.

104

Не нахожу я времени примет
В твоих чертах. С тех пор, когда впервые
Тебя я встретил, три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет,
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим,
Он был перед рождением твоим.

116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане,
Любовь — звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих, —
То нет любви и нет стихов моих!

118

Для аппетита пряностью приправы
Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.

Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.

От этого любовного коварства
И опасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.

Но понял я: лекарства — яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

121

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить
Должно не наше, а чужое мненье.

Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.

Я — это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера,

И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!

130

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в пей совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

146

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.

Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?

Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

ПЕСНЯ БАЛТАЗАРА

Из комедии «Много шума из ничего»

Что толку, леди, в жалобе?
Мужчины — шалопаи.
Одна нога на палубе,
На берегу другая.

Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!

Зачем вам плакать? Лучше петь.
Весной грустить не велено.
Мужчины женщин ловят в сеть
С тех пор, как весны зелены.

Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!

ПЕСЕНКА ИЗ «ЗИМНЕЙ СКАЗКИ»

Веди нас, дорожка, вперед и вперед,
Начала тебе и конца нет.
Веселое сердце идет и поет,
Печальное — скоро устанет.

НАДГРОБНЫЙ ПЛАЧ

Правда с юной красотой,
С прелестью, такой простой,
Спят во прахе под плитой.

Вечного покоя дом
Стал для голубя гнездом.
Спит с подругой он вдвоем.

Легок был земной им груз.
Нет плодов их брачных уз.
Девственным был их союз.

Будет правда, да не та,
И не та уж красота.
На любовь легла плита.

Тот, в ком дух высокий жив,
Кто красив и кто правдив,
Плачь, колена преклонив.

Помолись, склонившись ниц
Пред чистойшей из гробниц,
Пред гнездом умолкших птиц.

Джон Донн

1573—1631

* * *

Смерть, не гордись, когда тебя зовут
Могучей, грозной. Жалкие слова!
Кого взяла ты — в вечности живут,
И навсегда моя душа жива.

Покой и сон — измученным приют.
И ты, о смерть, надеюсь, такова.
Ты лучшие земные существа
Освободить спешишь от рабских пут.

Слуга судьбы, злодеев, королей,
С войной, чумой в соседстве ты живешь.
Но не гордись: как твой разящий нож,
Дает забвенью мак, цветок полей.

Мы будем спать во гробе до зари
И вновь воспрянем. Ты же, смерть, умри!

Джон Мильтон

1608—1674

О СЛЕПОТЕ

Сонет

Когда подумаю, что свет погас
В моих глазах среди пути земного
И что талант, скрывающийся в нас,
Дарован мне напрасно, хоть готова
Душа служить творцу и в должный час
Отдать отчет, не утаив ни слова, —

«Как требовать труда, лишая глаз?» —
Я вопрошаю. Но в ответ сурово
Терпенье мне твердит: «Не просит бог
Людских трудов. Он властвует над всеми.
Служа ему, по тысячам дорог
Мы все спешим, влача земное бремя».

Но, может быть, не меньше служит тот
Высокой воле, кто стоит и ждет.

О ШЕКСПИРЕ

Нуждается ль, покинув этот мир,
В труде каменотесов мой Шекспир,
Чтоб в пирамиде, к звездам обращенной,
Таился прах, веками освященный?

Наследник славы, для грядущих дней
Не просишь ты свидетельства камней.
Ты памятник у каждого из нас
Воздвиг в душе, которую потряс.

К позору нерадивого искусства
Твои стихи текут, волнуя чувства.
И в памяти у нас из книг твоих
Оттиснут навсегда дельфийский стих.

Воображенье наше до конца
Пленив и в мрамор превратив сердца,
Ты в них покоишься. Все короли
Такую честь бы жизни предпочли!

Вильям Блейк

1757—1827

Из «Песен невинности»

ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

АГНЕЦ

Агнец, агнец белый!
Кем ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
    Кто он, агнец милый?
    Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.
    Агнец, агнец милый,
    Бог тебя помилуй!

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузничик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех, —
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут

И льют благословенье
На каждое растение,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречаются в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух
Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: «Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

ИЗ «КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ»

Сон, сон,
Полог свой
Свей над детской головой.
Пусть нам снится звонкий ключ,
Тихий, тонкий лунный луч.

Легким трепетом бровей
Из пушинок венчик sweй.
Обступи, счастливый сон,
Колыбель со всех сторон.

Сон, сон,
В эту ночь
Улетать не думай прочь.
Материнский нежный смех,
Будь нам лучшей из утех.

Тихий вздох и томный стон,
Не тревожьте детский сон.
Пусть улыбок легкий рой
Сторожит ночной покой.

Спи, дитя, спокойным сном.
Целый мир уснул кругом,
Тихо дышит в тишине,
Улыбается во сне...

ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из нас не тронет,
Если сын ваш тяжело стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая измочить?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Из «Песен опыта»

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
В ней царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

МУХА

Бедняжка-муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли не т, —

Так пусть умру я
Или живу, —
Счастливой мухой
Себя зову.

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлеет огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертною рукой
Создан грозный образ твой?

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.

К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,

И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катаfalки новобрачных.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердия люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.

И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доныне не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я растил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильней
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: — Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе—
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке,
За часом час я провожу,
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распутившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

Стихи разных лет

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя,
Завладел любимой.

ЗОЛОТАЯ ЧАСОВНЯ

Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарю,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.

Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

МЕЧ И СЕРП

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста — наступает весна!»

Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное стоит любви и забот.

Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
И веселье продлить они были не прочь.
Мэри так же беспечно на праздник пришла,
Но друзей она больше в толпе не нашла.

Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
Кто добавил, что Мэри не знает стыда.

Будто ветер сырой налетел и унес
Лепестки распустившихся лилий и роз.

«О, зачем я красивой на свет рождена?
Почему не похожа на всех я одна?
Почему, одарив меня щедрой рукой,
Небеса меня предали злобе людской?»

— Будь смиренна, как агнец, как голубь, чиста —
Таково, мне твердили, ученье Христа. —
Если ж зависть рождаешь ты в душах у всех
Красотою своею, — на тебе этот грех!

Я не буду красивой, сменю свой наряд,
Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
Если ж кто предпочтет меня милой своей,
Я отвергну любовь и пошлю его к ней».

Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
«Сумасшедшая!» — крикнул мальчишка вослед.
Мэри скромный, но чистый надела наряд,
А вернулась забрызгана грязью до пят.

Вся дрожа, опустилась она на кровать,
И всю ночь не могла она слезы унять,
Позабыла про ночь, не заметила дня,
В чуткой памяти злобные взгляды храня.

Лица, полные ярости, злобы слепой,
Перед ней проносились, как дьяволов рой.
Ты не видела, Мэри, луча доброты.
Темной злобы не знала одна только ты.

Ты же — образ любви, изнемогшей в слезах,
Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
Образ тихой печали, тоски роковой,
Что проводят тебя до доски гробовой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О, сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятия — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

* * *

— Что оратору нужно? Хороший язык?
— Нет, — ответил оратор, — хороший парик!
— А еще? — Не смутился почтенный старик
И ответил: — Опять же хороший парик.
— А еще? — Он задумался только на миг
И воскликнул: — Конечно, хороший парик!

— Что, маэстро, важнее всего в портретисте?
Он ответил: — Особые качества кисти.
— А еще? — Он, палитру старательно чистя,
Повторил: — Разумеется, качество кисти.
— А еще? — Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: — Высокое качество кисти!

«МИЛЬТОН»

Три отрывка из поэмы

I

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где верный меч, копьё и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

II

Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны —
Меж тем как жаворонок ранний на земляной постели
Сидит, прислушиваясь молча, едва забрезжит свет.
Но скоро, выпорхнув из моря волнующейся ржи,
Ведет он хор веселый дня —
Трель-трель, трель-трель, трель-трель, —
Взвиваясь ввысь на крыльях света — в безмерное
пространство.
И звуки эхом отдаются, стократ отражены
Небесной раковиной синей. А маленькое горло
Работает, не уставая, и каждое перо
На горле, на груди, на крыльях трепещет от прилива
Божественного тока. Вся природа,
Умолкнув, слушает. И солнце на гребне дальних гор
Остановилось и глядит на маленькую птичку
Глазами страха, удивленья, смиренья и любви.
Но вот из-под зеленой кровли свой голос подают
Все пробудившиеся птицы дневные — черный дрозд,
Малиновка и коноплянка, шегол и королек —
И будят солнце на вершине от сладостного сна.
А там уж снова соловей залетится щедрой трелью,
Защелкает на все лады с заката до утра.
И всюду — в рощах и полях — с любовью, с изумленьем
Перед гармонией его умолкнет птичий хор.

III

Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный.
Но не понятно, как из центра столь малого кружка
Исходит столько аромата. Должно быть, мы забыли,

Что в этом центре — бесконечность, чьи тайные врата
Хранит невидимая стража бессменно день и ночь.

Едва рассвет забрезжит, радость всю душу распахнет
Благоухающую. Радость до слез. Потом их солнце
До капли высушит.

Сперва тимьян и кашка
Пушистая качнутся и, вспорхнув
На воздух, начинают танец дня
И будят жимолость, что спит, объемля дуб.
Вся красота земли, развиг по ветру флаги,
Ликует. И, глаза бессчетные раскрыв,
Боярышник дрожит, прислушиваясь к пляске,
А роза спит еще. Ее будить не смеет
Никто до той поры, пока она сама,
Расторгнув пред собой пурпурный полог,
Не выйдет в царственном величье красоты.
Тогда уж все цветы — гвоздика, и жасмин,
И лилия в тиши — свое раскроют небо.
Любое дерево, любой цветок, трава
Наполнят воздух весь разнообразной пляской.
Но все же в лад, в порядке строгом. Люди
Больны любовью...

ИЗ «ПРОРИЦАНИИ НЕВИННОСТИ»

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Если птица в клетке тесной —
Меркнет в гневе свод небесный.

Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе.

Дому жребий безысходный
Предвещает пес голодный.

Конь, упав в изнеможенье,
О кровавом молит мщенье.

Заяц, пулей изувечен,
Мучит душу человечью.

Мальчик жаворонка ранит —
Ангел петь в раю не станет.

Петух бойцовый на дворе
Пугает солнце на заре.

Львиный гнев и волчья злоба
Вызывают тень из гроба.

Лань, бродя на вольной воле,
Нас хранит от скорбной доли.

Путь летучей мыши серой —
Путь души, лишенной веры.

Крик совы в ночных лесах
Выдает безверья страх.

Кто глаз вола наполнил кровью,
Вовек не встретится с любовью.

Злой комар напев свой летний
С каплей яда взял у сплетни.

Гад, шипя из-под пяты,
Брызжет ядом клеветы.

Взгляд художника ревнивый —
Яд пчелы трудолюбивой.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Принца шелк, тряпье бродяги —
Плесень на мешках у скряги.

Радость, скорбь — узора два
В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь —
И пройдешь своё долгий путь.

Дело рук — топор и плуг,
Но рукам не сделать рук.

Каждый знает, что ребенок
Больше, чем набор пеленок.

Та слеза, что наземь канет,
В вечности младенцем станет.

Лай, мычанье, ржанье, вой
Плещут в небо, как прибой.

Ждет возмездья плач детей
Под ударами плетей.

Тряпки нищего в отрепья
Рвут небес великолепье.

Солдат с ружьем наперевес
Пугает мирный свод небес.

Медь бедняка дороже злата,
Которым Африка богата.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродастся вся держава.

Смеющимся над детской верой
Сполна воздастся той же мерой.

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.

Кто веру детскую щадит,
Дыханье смерти победит.

Игрушкам детства — свой черед,
А зрелый опыт — поздний плод.

Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Отвечая на сомненье,
Сам теряешь разуменье.

Сильнейший яд — в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.

Литая сталь вооруженья —
Людского рода униженье.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы.

Там, где в почете честный труд,
Искусства мирные цветут.

Сомненьям хитрого советчика
Ответьте стрекотом кузнечика.

Философия хромая
Ухмыляется, не зная,

Как ей с мерой муравьиной
Сочетать полет орлиный.

Не ждите, что поверит вам
Не верящий своим глазам.

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья.

Не грех, коль вас волнуют страсти,
Но худо быть у них во власти.

Для всей страны равно тлетворны
Публичный дом и дом игорный,

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.

Каждый день на белом свете
Где-нибудь рождаются дети.

Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.

Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,

Потому что смертный глаз
В заблужденье вводит нас.

Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.

Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.

ИЗ «ПОСЛОВИЦ АДА»

В пору посева учись, в пору жатвы учи, зимою пользуйся плодами.

Гони свою телегу и свой плуг по костям мертвецов.

Дорога избытка ведет к дворцу мудрости.

Расчетливость — богатая и безобразная старая дева, за которой волочится бессилие.

Тот, кто желает, но не действует, плодит чуму.

Разрезанный червь прощает свою гибель плугу.

Погрузи в реку того, кто любит воду.

Дурак видит не то самое дерево, что видит мудрый.

Тот, чье лицо не излучает света, никогда не будет звездой.

Вечность влюблена в творения времени.

У занятой пчелы нет времени для скорби.

Время безумия может быть измерено часами, но время мудрости никаким часам не измерить.

Всякая здоровая пища добывается без сети и западни.

Вспомни число, вес и меру в голодный год.

Никакая птица не залетит слишком высоко, если она летит на собственных крыльях.

Высший поступок — поставить другого впереди себя.

Если бы дурак был настойчив и последователен в своей глупости, он стал бы мудрым.

Глупость — мантия плутовства.

Стыд — мантия гордости.

Тюрьмы построены из камней закона, публичные дома — из кирпичей религии.

Гордость павлина — слава божия.

Похоть козла — щедрость божия.

Гнев льва — мудрость божия.

Нагота женщины — дело рук божьих.

Избыток скорби смеется. Избыток радости плачет.

Львиный рык, волчий вой, рев бушующего моря и разрушительный меч — частицы вечности, слишком великие для людского глаза.

Лисица винит западню, а не себя.

Радости оплодотворяют. Скорби рождают.

Пусть мужчина носит львиную шкуру, женщина — овечье руно.

Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.

Себялюбивого, улыбающегося дурака и надутого, хмурого дурака пусть считают мудрыми, чтобы они послужили розгой.

То, что ныне доказано, некогда только воображалось.

Крыса, мышь, лисица, кролик следят за корнями; лев, тигр, конь, слон — за плодами.

Водоем содержит; фонтан переполняет.

Одна мысль заполняет бесконечность.

Всегда будь готов высказать, что у тебя на уме, и негодяй будет избегать тебя.

Все, во что можно поверить, есть подобие истины.

Орел никогда не терял понапрасну так много времени, как тогда, когда согласился учиться у вороны.

Лисица промышляет для себя сама, но бог споспешествует льву.

Думай утром. Действуй в полдень. Ешь вечером. Спи ночью.

Тот, кто позволил вам обмануть себя, знает вас.

Как плуг следует за словами, так бог вознаграждает молитвы.

Тигры гнева мудрее, чем клячи наставления.

Жди яда от стоячей воды!

Ты никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно.

Прислушайся к упреку дурака! Это для тебя королевский титул.

Глаза огня, ноздри воздуха, уста воды, борода земли.

Слабый храбростью силен хитростью.

Яблоня не спрашивает у бука, как ей расти, лев у коня, как ему охотиться.

Благодарный пожинает богатый урожай.

Если бы другие не были дураками, мы были бы ими.

Душа чистого наслаждения никогда не может быть загрязнена.

Когда ты видишь орла, ты видишь частицу гения. Подыми голову!

Как гусеница кладет яйца на лучшие листья, так священник налагает проклятие на лучшие радости жизни.

Создание маленького цветка есть работа веков.

Проклятие бодрит, благословение расслабляет.

Лучшее вино — старое, лучшая вода — свежая.

Молитвы не пашут, хвалы не жнут.

Радости не смеются, печали не плачут.

Голова — возвышенное, сердце — пафос, полая сфера — красота, руки, ноги — пропорции.

Что воздух птице, что вода рыбе, то презрение — презренному.

Ворона хотела бы, чтоб все на свете было черным, сова — чтобы все было белым.

Если бы лев слушался совета лисы, он был бы хитрым.

Усовершенствование создает прямые дороги, но кривые дороги без усовершенствования есть дороги гения.

Лучше убить ребенка в колыбели, чем питать неосуществленные желания.

Где нет человека, природа бесплодна.

Истину нельзя рассказать так, чтобы ее поняли; надо, чтобы в нее поверили.

Довольно! — или слишком много.

Роберт Бернс

1759—1796

ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести

На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копыями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалеко.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правеж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,

Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

СТАРАЯ ДРУЖБА

Забить ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забить ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки подготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друга друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!

РОБИН

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,

И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пушай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости! —
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат,
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат,
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день, —
И он не за горами, —
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний пляс
В последний пляс
Пустился Макферсон.

— Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней—
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.

Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,

О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый, —
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Как ой, — и сам не знаю.

Потом сказал я: — Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
— Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: — Это ты? —
Потом сказала: — Вилли!

— Да, это я, моя любовь,
А ты — моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты — мой клад бесценный!

Она сказала: — Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убаблен, —
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон,
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько радости вокруг
Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук,
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!

* * *

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

* * *

Где-то в пещере, в прибрежном краю,
Горе свое от людей утаю.
Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.

Лживая женщина, клятвам твоим
Время пришло разлететься как дым.
Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим!

РАССТАВАНИЕ

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

В ком надежды искра тлеет,
На судьбу роптать не смеет.
Но ни зги передо мною.
Окружен я тьмой ночью.

Не клянущей своей я страсти.
Кто твоей не сдастся власти?
Кто видал тебя, тот любит
Кто полюбит, не разлюбит.

Не любить бы нам так нежно,
Безрассудно, безнадежно,
Не сходиться, не прощаться,
Нам бы с горем не встречаться!

Будь же ты благословенна,
Друг мой первый, друг бесценный.
Да сияет над тобою
Солнце счастья и покоя.

Поцелуй — и до могилы
Мы простимся, друг мой милый.
Ропот сердца отовсюду
Посылать к тебе я буду.

ПОЦЕЛУЙ

Важная печать признаний,
Обещанье тайных нег —
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть, что есть, — те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, —
Значит, нам благодарить остается небо!

ФИНДЛЕЙ

— Кто там стучится в поздний час?

«Конечно, я — Финдлей!»

— Ступай домой. Все спят у нас!

«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?

«Посмел!» — сказал Финдлей.

— Небось наделаешь ты дел...

«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...

«А ну!» — сказал Финдлей.

— Ты спать не дашь мне до зари!

«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...

«Впусти!» — сказал Финдлей.

— Всю ночь ты можешь прогостить.

«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...
«Побудь!» — сказал Финдлей.
— Ко мне опять найдешь ты путь.
«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...
«Со мной!» — сказал Финдлей.
— Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» — сказал Финдлей.

ШЕЛА О'НИЛ

Когда волочиться я начал за нею,
Немало я ласковых слов говорил.
Но более всех
Имели успех
Слова: «Мы поженимся, Шела О'Нил!»

Дождался я брака.
Но скоро, однако,
Лишился покоя, остался без сил.
От ведьмы проклятой
Ушел я в солдаты,
Оставив на родине Шелу О'Нил.

Решился я вскоре
Бежать через море,
С колонной пруссаков в атаку ходил
Навстречу снарядам,
Ложившимся рядом
С шипеньем и свистом, как Шела О'Нил!

У Фридриха в войске
Я дрался геройски,
Штыка не боялся и с пулей дружил.
Нет в мире кинжала
Острее, чем жало
Безжалостной женщины — Шелы О'Нил!

СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но наконец жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне не известно...

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд —
Похоронил достойно.

Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю...
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

ПЕСНЯ

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятья —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пусть я буду осужден
Судьей в ослиной коже,

Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

МЕЛЬНИК

Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.

Пыльный, пыльный он насквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось —
Вся я поседела!

Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.

Достает из кошелька
Мельник деньги белые.
Я для мельника-друга
Все, что хочешь, сделаю!

ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЁКО

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.

Свободе — привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.

Да здравствует право читать!
Да здравствует право писать!
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и вспоен
В снегах на утесе крутом!

СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ

Прикрытый лаврами разбой
И сухопутный и морской
Не стоит славословья,
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество.
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

В ЯЧМЕННОМ ПОЛЕ

Так хороши пшеница, рожь
Во дни уборки ранней.
А как ячмень у нас хорош,
Где был я с милой Анни.

Под первый августовский день
Спешил я на свиданье.
Шумела рожь, шуршал ячмень.
Я шел навстречу Анни.

Вечерней поздней порой —
Иль очень ранней, что ли? —
Я убедил ее со мной
Побыть в ячменном поле.

Над нами свод был голубой,
Колосья нас кололи.
Я усадил перед собой
Ее в ячменном поле.

В одно слились у нас сердца.
Одной мы жили волей.
И целовал я без конца
Ее в ячменном поле.

Кольцо моих сплетенных рук
Я крепко сжал — до боли
И слышал сердцем сердца стук
В ту ночь в ячменном поле.

С тех пор я рад бывал друзьям,
Пирушке с буйным шумом,
Порою рад бывал деньгам
И одиноким думам.

Но все, что пережито мной
Не стоит сотой доли
Минуты радостной одной
В ту ночь в ячменном поле!

ЦВЕТОК ДЕВОНА

О, как ты прозрачен, извилистый Девон,
Кусты осеняют цветущий твой дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Девон,
У берега Эйра когда-то расцвел.

Солнце, щади этот нежный, без терний,
Алый цветок, напоенный росой.
Пусть из подкравшейся тучи вечерней
Бережно падает ливень косой.

Мимо лети, седокрылый восточный
Ветер, ведущий весенний рассвет.
Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет.

Лилией стройной гордятся Бурбоны,
В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди рощи зеленой
Где-то у Девона скромно цветет.

МОЕМУ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
    Боясь упрека
Или неправого суда
    Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
Любви награда,
Хоть ты, по мненью всех церквей, —
Исчадьё ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
Дурные слухи, —
Должны от скуки языком
Молоть старухи!

И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
И суд церковный. —
В твоём рожденье виноват
Я безусловно.

Ты — память счастья юных лет.
Увы, к нему потерян след.
Не так явилась ты на свет,
Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная.

Расти веселым деревцом,
Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
Отцы когда-то.

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
Нельзя, конечно!

ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится — такой нелюдим!

Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретилась с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэтти —
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!

ПЕСНЯ

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

НОЧЛЕГ В ПУТИ

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.

— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних выюг,
От зимних выюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пусть сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом,
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

Кантата

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.

Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.

Не помня горя и забот,
Ласкал он побирушку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.

И чокались
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затянул солдат.

ПЕСНЯ

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку, —
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан!

Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя милашка,
Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян, —
Выпью кружку и другую, поцелую дорожку
И пойду на всех чертей под барабан!

РЕЧИТАТИВ

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.

Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

ПЕСНЯ

Девницей была я, — не помню когда,
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!

Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.

Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал, — в том любовь виновата, —
Я же телом своим. И ушла от солдата.

Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком —
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.

После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир — на заплате заплата.
То-то рада была я увидеть солдата!

Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, — за солдата!

РЕЧИТАТИВ

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирал он, что поют,
И только пил ее здоровье.

Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

ПЕСНЯ

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравнится неопытный шут
Со мной — дураком по профессии!

Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух — до старости олух.

Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я подросток — и бочонок подросток
И стал здоровенною бочкой!

За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.

Я — клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате,
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливым соперник в палате!

А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак —
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя — и бесплатно — дурак,
Тот очень немногого стоит!..

РЕЧИТАТИВ

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце,
Но утопить никак не мог, —
Сам сатана ее берег.

В былые дни — во время оно —
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

ПЕСНЯ

Мой Джон — дитя шотландских скал —
Закон долины презирал.
Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.

Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

Он был как щеголь разодет —
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой статный горец, храбрый Джон.

От речки Твид до речки Спей
С вагагой буйною своей
Мы кочевали — я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.

Но присудил его судья
К изгнанию в дальние края.
Зазеленел весною клен, —
И вновь ко мне вернулся Джон.

В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!

И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, Джон...

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

— За Джона! — гаркнул пьяный х о р . —
Он был красой шотландских гор!..

РЕЧИТАТИВ

Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
    Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
    Он обнимал.

Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
    Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом,
Запел он голосом пискливым
    Мотив такой.

ПЕСНЯ

Позволь слезу твою смахнуть,
Моей возлюбленною будь
И все прошедшее забудь,
    Плевать на остальное!

Житье на свете скрипачу —
Иду-бреду, куда хочу,
Так не живется богачу.
    Плевать на остальное!

Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют, —
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!

Мы будем корки грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»

Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь, —
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!

РЕЧИТАТИВ

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью, —
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдове.

Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.

Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...

Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

ПЕСНЯ

Я, ваша честь,
Паяю жечь.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.

Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

РЕЧИТАТИВ

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.

Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.

Ее супруг — по ремеслу
Поэт, певец природы —
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.

Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
И пел он, что поет душа..
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

ПЕСНЯ

Я — лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.

И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И все такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, —
Великий грех и прочее!

Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

РЕЧИТАТИВ

Поэт окончил — и кругом
Рукоплексаний грянул гром,
И каждый нес на бочку
Все, что отдать хозяйке м о г, —
Медяк, запряганный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.

Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу:

Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

ПЕСНЯ

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.

Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Жизнь — в движенье бесконечном.
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших,
Будьте счастливы. Аминь!

* * *

Жена верна мне одному,
И сам я верен ей зато.
Не ставлю рожек никому,
И мне не ставит их никто.

Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что у меня займы возьмешь?
И я не брал ни у кого.

Я не хозяин никому,
И никому я не слуга.
А если в руки меч возьму,
Я отобью удар врага.

Так и живу день изо дня,
Тоской, заботой не томим.
Другим нет дела до меня,
И я не кланяюсь другим.

ПАСТУХ

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пареньком.
Меня укутал он платком,
Назвал своею милой.

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладун е с , —
Стадо гнал мой милый.

— Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
Луна глядит украдкой.

— Благодарю за твой привет,
Но у меня охоты нет
Платить слезами долгих лет
За этот вечер краткий!

— Нет, будешь ты ходить в шелках,
В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
Носить, когда устанешь.

— Ну, если так, тогда пойдем
С тобой по берегу вдвоем,
И я надеюсь, что потом
Меня ты не обманешь.

Но он ответил мне: — Пока
Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
Моей ты будешь милой!

Гнал он коз
Под откос.
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нес, —
Стадо гнал мой милый.

КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверстиший?

* * *

Якобиты на словах,
Вам пою, вам пою.
Якобиты на словах,
Вам пою.
Якобиты на словах,
Обличу я вас в грехах
И ученье ваше в прах
Разобью.

Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон? Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Длинный меч ли изберешь
Иль короткий вырвешь нож
Из ножен?

Героической борьбой
Что назвать? Что назвать?
Героической борьбой
Что назвать?
Героической борьбой
Звать ли распри и разбой,
Где в отца готов любой
Нож вогнать?

Хватит происков, ей-ей!
В этот век, в этот век.
Хватит происков, ей-ей,
В этот век.
Хватит происков, ей-ей.
Без непрошенных друзей
Пусть идет к судьбе своей
Человек!

ПЕСЕНКА

Жила-была тетка под старою ивой,
Она джентльменам готовила пиво.
Скрогам.

У теткойной дочки была лихорадка,
Священник дрожал от того же припадка.
Раффам.

И тетка, желая прогнать лихорадку,
Обоих в одну уложила кроватьку.
Скрогам.

Больного согрел лихорадочный пыл,
И жар у больной понемногу остыл.
Раффам.

* * *

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой

И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя.

Я знал любви слепую власть,
И многих мук мне стоит страсть,
Но я любовь готов проклясть,
Пока ты не моя.

Мгновенный взор девичьих глаз
Мне сердце покорял не раз,
Но полюбил я лишь сейчас,
Красавица моя.

Мою ладонь твоей накрой,
Твоей накрой,
Твоей накрой
И поклянись своей рукой,
Что будешь ты моя!

* * *

Наследница-дочь на охоте была,
Пеленок с собой она в лес не взяла,
А ночью ребенка в лесу родила
И в свой завернула передник.

Передник был соткан из чистого льна,
Из белого, тонкого сшит полотна.
Так вот малыша завернула она
В свой тонкий голландский передник.

В ту ночь пировал в своем замке старик,
Из бочки струилось вино, как родник.

И вдруг среди ночи послышался крик
Того, кто завернут в передник.

— Какой там ребенок кричит во всю мочь
На той половине, где спит моя дочь?
Его унесите немедленно прочь.
А ну, разверните передник.

— Да, это ребенок, а я его мать.
И значит, он будет вас дедушкой звать.
Отец его будет ваш преданный зять,
А он — ваш достойный наследник.

— Да кто он такой — из дворян, из крестьян,
Тот дерзкий, кто обнял твой девичий стан?
Кому только нужен крикун-мальчуган,
Завернутый в этот передник?

— Мой будущий муж в Эдинбурге живет.
Он первым из первых в столице слышет,
Он золотом шитый наряд мне пришлет,
Узнав, кто завернут в передник.

— Послушай-ка, дочка, твои терема
И все мои башни, дворы и дома,
Амбары с мукой и с зерном закрома
Получит мой внук и наследник,
Завернутый в этот передник!

* * *

Что сделала со мною мать,
Родная мать,
Родная мать.
Что сделала со мною мать
Во вторник поздней ночью:

Мне приказала лечь в кровать,
Такую мягкую кровать,
И, уложив меня в кровать,
Сказала: «Доброй ночи!»

Священник тоже подшутил —
Так подшутил!
Так подшутил!
Так надо мной он подшутил,
Сыграл со мною шутку:

Чужого парня напустил,
Большого парня напустил,
Верзилу-парня напустил
На бедную малютку!

Мои подруги и родня,
Моя родня,
Моя родня —
Одну оставили меня
Во вторник поздней ночью.

Одну оставили меня,
Не заступились за меня,
А я боялась, как огня,
Мужчины поздней ночью!

* * *

Всеми забыта, нема,
Лишена тепла и движенья
Та, что была мотыльком
И летела на свет и тепло.

Только скудость ума
Отказать ей могла в уваженье,
Только отсутствие сердца
В любви отказать ей могло.

Эпиграммы

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ШКОЛЬНОГО ПЕДАНТА

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей...
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

**НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ
СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ**

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, слышал я,
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

**ЭПИТАФИЯ ВИЛЬЯМУ ГРЭХЕМУ,
ЭСКВАЙРУ**

Склонясь у гробового входа,
—Осмерть!—воскликнула природа.—
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..

Вильям Вордсворт

1770—1850

ЛЮСИ

I

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведал власть,
Доверю свой рассказ.

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.
А конь мой весело бежал —
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомой крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит.

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
«Что, если Люси умерла?» —
Сказал я в первый раз.

II

Среди нехоженных дорог,
Где ключ студеный бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет.

III

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона —
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она прядла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

IV

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

КУКУШКА

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты — птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
А твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты — звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь, —
Все дальше и милей.

Я и сейчас люблю бывать
В твоём лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг
Он — твой волшебный дом.

АГАСФЕР

Многочисленные потоки,
Пробежав скалистый путь,
Ниспадают в дол глубокий,
Чтоб умолкнуть и заснуть.

Стая туч, когда смирится
Гнев грозы и гул громов,
Шлемом сумрачным ложится
На зубчатый ряд холмов.

День и ночь косуля скачет
По скалам среди высот,
Но ее в ненастье прячет
От дождя укромный грот.

Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон.

Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле, —
Рад он пристани родимой
На незыблемой скале.

Робкий страус до заката
По пескам стремится свой бег,
Но и он спешит куда-то
В сень родную — на ночлег...

Без конца моя дорога,
Цель все так же впереди,
И кочевника тревога
День и ночь в моей груди.

Джордж   Гордон   Байрон

1788—1824

РАССТАВАНИЕ

Помнишь, печалась,
Склонясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой.
В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час.

Был этот ранний
Холодный рассвет
Началом страданий
Будущих лет.
Удел твой — бесчестье.
Молвы приговор
Я слышу — и вместе
Мы делим позор.

В толпе твое имя
Тревожит любой.
Неужто родными
Мы были с тобой?

Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.

Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я так же таю.
Коль будет свиданье
Дано нам судьбой,
В слезах и в молчанье
Встречусь с тобой!

«ИЗ «ЕВРЕЙСКИХ МЕЛОДИЙ»

* * *

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит,
И легкий смех, как всплеск морской, —
Всё в ней о мире говорит
Она в душе хранит покой
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

* * *

Ты плачешь — светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.

Ты улыбнулась — пред тобой
Сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.

* * *

Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.

Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд.
Пускай погас последний луч —
В душе горит закат.

СОЛНЦЕ БЕССОННЫХ

Бессонных солнце — скорбная звезда,
Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нем темнее кажется нам ночь.
Ты — память счастья, что умчалось прочь.

Еще дрожит былого смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далек!..

* * *

Не бродить нам вечер целый
Под луной вдвоем,
Хоть любовь не оскудела
И в полях светло, как днем.

Переживет ножны клинок,
Душа живая — грудь.
Самой любви приходит срок
От счастья отдохнуть.

Пусть для радости и боли
Ночь дана тебе и мн е, —
Не бродить нам больше в поле
В полночь при луне!

Перси Биши Шелли

1792—1822

ЗИМА

Тоскует птица о любви своей
Одна в лесу седом.
Шурша, крадется ветер меж ветвей,
Ручей затянут льдом.

В полях живой травинки не найдешь.
Обнажены леса.
И тишину колеблет только дрожь
От мельничного колеса.

ЛЕТО И ЗИМА

I

Был ослепительный июньский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи
Плавучих гор — серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.

Все радовалось: лес, река и нивы.
Поблескивали в роще листья ивы.
И шелестела в тишине едва
Дубов столетних плотная листва...

II

Была зима — такая, что с ветвей
Комочком белым падал воробей.
Закованные в ледяные глыбы,
В речных глубинах задохались рыбы.
И до сих пор не замерзавший ил
В озерах теплых, сморщившись, застыл.

В такую ночь в печах пылало пламя.
Хозяин с домочадцами, с друзьями
Сидел и слушал, как трещит мороз...
Но горе было тем, кто гол и бос!

Джон Китс

1795—1821

СЛАВА

Дикарка-слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет,
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждет ее, — тот честь ее порочит!

Она — цыганка. Нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный! Заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простись учтиво — и работой
Она пойдет, быть может, за тобой!

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листе,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участием в летнем торжестве,
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуту или две.

Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. В полях метет метель,
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забывшись где-то в щель,

И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ШОТЛАНДИИ, В ДОМИКЕ РОБЕРТА БЕРНСА

Прожившему так мало бранных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.

Ячменный сок волнует кровь мою,
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И все же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбнись. Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

ОСЕНЬ

Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником,
Как переполнить сладостью плоды,
Чтобы они, созрев, сгибали ствол,
Распарить тыкву в ширину гряды,
Заставить вновь и вновь цвести сады,
Где носятся рои бесчисленных пчел, —
Пусть им кажется, что целый год
Продлится лето, не иссякнет мед!

Твой склад — в амбаре, в житнице, в дупле.
Бродя на воле, можно увидеть
Тебя сидящей в риге на земле,
И веялка твою взвивает прядь.
Или в полях ты убираешь рожь
И, опьянев от маков, чуть вздремнешь,
Щадя цветы последней полосы,
Или снопы на голове несешь
По шаткому бревну через поток.

Иль выжимаешь яблок терпкий сок
За каплей каплю долгие часы...

Где песни вешних дней? Ах, где они?
Другие песни славят твой приход.
Когда зажжет полосками огни
Над опустевшим жнивьем небосвод,
Ты слышишь: роем комары звенят
За ивами — там, где речная мель,
И ветер вдаль несет их скорбный хор.
То донесутся голоса ягнят,
Так выросших за несколько недель,
Малиновки задумчивая трель
И ласточек прощальный разговор!

* * *

Четыре разных времени в году.
Четыре их и у тебя, душа.
Весной мы пьем беспечно, на ходу
Прекрасное из полного ковша.

Смакуя летом этот вешний мед,
Душа летает, крылья распустил.
А осенью от бурь и непогод
Она в укромный прячется залив.

Теперь она довольствуется тем,
Что сквозь туман глядит на ход вещей.
Пусть жизнь идет неслышная совсем,
Как у порога льющийся ручей.

Потом — зима. Безлика и мертва.
Что делать! Жизнь людская такова.

* * *

Чему смеялся я сейчас во сне?
Ни знаменьем небес, ни адской речью
Никто в тиши не отозвался мне...
Тогда спросил я сердце человечье:

Ты, бьющееся, мой вопрос услышь, —
Чему смеялся я? В ответ — ни звука.
Тьма, тьма кругом. И бесконечна мука.
Молчат и бог и ад. И ты молчишь.

Чему смеялся я? Познал ли ночью
Своей короткой жизни благодать?
Но я давно готов ее отдать.
Пусть яркий флаг изорван будет в клочья

Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильнее.

СОНЕТ О СОНЕТЕ

Уж если суждено стихам брести
В оковах тесных — в рифмах наших дней —
И должен век свой коротать в плену
Сонет певучий, — как бы нам сплести
Сандалии потоньше, понежней
Поэзии — для ног ее босых!

Проверим лиру, каждую струну,
Подумаем, что можем мы спасти
Прилежным слухом, зоркостью очей.
Как царь Мидас ревниво в старину
Хранил свой клад, беречь мы будем стих.
Прочь — мертвый лист из лавровых венков!
Пока в неволе музы, мы для них
Гирлянды роз сплетем взамен оков.

СОНЕТ

Тому, кто в городе был заточен,
Такая радость — видеть над собою
Открытый лик небес и на покое
Дышать молитвой тихой, точно сон.

И счастлив тот, кто, сладко утомлен,
Найдет в траве убежище от зноя
И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времен.

И, возвращаясь к своему крыльцу,
Услышав соловья в уснувшей чаше,
Следя за тучкой, по небу скользящей,

Он погрустит, что к скорому концу
Подходит день, чтобы слезой блестящей
У ангела скатиться по лицу.

ДЕВОНШИРСКОЙ ДЕВУШКЕ

Девушка с фермы, куда ты идешь
И что ты несешь в корзинке?
Ты — сельская фея, ты, сливок свежее,
Не дашь ли хлебнуть мне из крынки?

Люблю я, мой друг, зеленый твой луг
И склоны с блуждающим стадом.
Но быть бы вдвоем нам в местечке укромном,
Два бьющихся сердца — рядом!

Завешу я шалью твоей деревцо,
И, лежа в лесу на опушке,
Мы будем смотреть маргаритке в лицо
С душистой зеленой подушки!

Альфред Теннисон

1809—1892

У МОРЯ

Бей, бей, бей,
В берега, многошумный прибой!
Я хочу говорить о печали своей,
Непокойное море, с тобой.

Счастлив мальчик, который бежит по песку
К этим скалам навстречу волне.
Хорошо и тому рыбаку,
Что поет свою песню в челне.

Возвращаются в гавань опять
Корабли, обошедшие свет.
Но как тяжко о мертвой руке тосковать,
Слышать голос, которого нет.

Бей, бей, бей,
В неподвижные камни, вода!
Благодатная радость потерянных дней
Не вернется ко мне никогда.

ДОЧЬ МЕЛЬНИКА

У мельника славные дочки.
И так мне одна дорога, дорога,
Что я бы хотел ее щечки
Коснуться, как эта серьга.

Меня бы укрыла волнистая прядь,
И милую шейку я мог бы ласкать.

Вокруг ее нежного стана
Хотел бы я быть пояском,
Чтоб сердце ее непрестанно
Со мной говорило тайком.

И знал бы я, верно ли бьется оно,
То нежной печали, то счастья полно.

И я бы хотел ожерельем
На белой груди ее стать,
Чтоб с грустью ее и весельем
Вздыматься и падать опять.

И я бы мечтал об одном, об одном, —
Чтоб снять забывали меня перед сном.

Роберт Браунинг

1812—1889

В АНГЛИИ ВЕСНОЙ

Быть сегодня в Англии —
В этот день апреля!
Хорошо проснуться в Англии
И увидеть, встав с постели,
Влажные ветви на вязах и кленах
В маленьких клейких листочках зеленых,
Слышать, как зяблик щебечет в саду
В Англии — в этом году!

А после апреля — в начале мая
Ласточки носятся не уставая.
И там, где цветет над оградой груша,
Цветом своим и росой осыпая,
Поле, поросшее клевером, — слушай
Пень дрозда. Повторяет он дважды
Песню свою, чтобы чувствовал каждый,
Что повторить он способен мгновенье
Первого, вольного вдохновенья.

И пусть еще хмурится поле седое,
В полдень проснутся от света и зноя
Люттики — вешнего солнца подарки.
Что перед ними юг этот яркий!

Роберт Льюис Стивенсон

1850—1894

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Шотландская баллада

Из вереска напиток
Забит давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли,
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,

Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед! —

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пуškai его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед! —

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды:
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пуškai со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

Альфред Эдвард Хаусмен

1859—1936

КТО ЭТОТ ГРЕШНИК?

Кто этот грешник юный в наручниках стальных,
И чем он так разгневал попутчиков своих?
Видно, вправду он виновен, если терпит град угроз...
Нет, ведут его в темницу за преступный цвет волос.

Человечество позорит непристойный этот цвет.
За него могли повесить поколения прежних лет.
От петли иль живодерни вряд ли ноги бы унес
Тот, кому дала природа ненавистный цвет волос.

Не жалея сил и денег, красил голову злодей
Или волосы под шляпой скрыть пытался от людей.
Но с него сорвали шляпу, и тотчас же на допрос
Был доставлен нечестивец, скрывший цвет своих волос.

Верно, ждут его в неволе невеселые деньки.
Там для рук его довольно приготовлено пеньки.
Иль долбить он будет камень в зной палящий и в мороз,
Лихом бога помяная за проклятый цвет волос.

Редьярд Киплинг

1865—1936

ЕСЛИ...

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волнения,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушение, можешь снова —
Без прежних сил — возобновить свой труд,

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и вновь начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,

И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» —

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, —
Земля — твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты — человек!

ТОММИ АТКИНС

Хлебнуть пивца я захотел и завернул в трактир.
— Нельзя! — трактирщик говорит, взглянув на мой
мундир.

Девчонки мне смотрели вслед и фыркали в кулак.
Я усмехнулся, вышел вон, а сам подумал так:

Солдат — туда, солдат — сюда! Солдат, крадись как вор.
Но «Мистер Аткинс, в добрый путь!» — когда играют сбор.
Когда играют сбор, друзья, когда играют сбор.
«Любезный Аткинс, в добрый путь!» — когда играют сбор.

Явился трезвого трезвей я в театральный зал.
Но пьяный щеголь сел на стул, где я сидеть желал.
Назад спровадили меня — под самый небосвод.
Но, если пушки загремят, меня пошлют вперед!

Солдат — туда, солдат — сюда! Гони солдата вон!
Но, если надо на войну, — пожалуйста в вагон.
В вагон пожалуйста, друзья, пожалуйста в вагон.
Но, если надо на войну, пожалуйста в вагон!

Пусть вам кажется смешным грошовый наш мундир.
Солдат-то дешев, но хранит он ваш покой и мир.
И вам подтрунивать над ним, когда он под хмельком,
Гораздо легче, чем шагать с винтовкой и мешком.

Солдат — такой, солдат — сякой, бездельник и буян!
Но он храбрец, когда в строю зальется барабан,
Зальется барабан, друзья, зальется барабан.
Но он — храбрец, когда в строю зальется барабан.

Мы — не шеренга храбрецов и не толпа бродяг,
Мы — просто холостой народ, живущий в лагерях.
И если мы подчас грешим — народ мы холостой, —
Уж извините: в лагерях не может жить святой!

Солдат — такой, солдат — сякой, но он свой помнит долг,
И, если пули засвистят, в огонь уходит полк.
В огонь уходит полк, друзья, в огонь уходит полк,
Но, если пули засвистят, в огонь уходит полк!

Сулят нам лучший рацион и школы — черт возьми! —
Но научитесь, наконец, нас признавать людьми.
Не в корме главная беда, а горе наше в том,
Что в этой форме человек считается скотом.

Солдат — такой, солдат — сякой, и грош ему цена.
Но он — надежда всей страны, когда идет война.
Солдат — такой, солдат — сякой! Но как бы не пришлось
Вам раскусить, что он не глуп и видит все насквозь!

* * *

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда, —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаваньё
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

* * *

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт,
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, —

Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,
Пятьдесят вест!

* * *

Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И все, что вижу я в округ, —
Все знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Даю им отдых от забот —
Пускай не устают.
Они прожорливый народ —
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг,
И всем покоя нет!

Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

* * *

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Еще хуже,
Еще неуклюжей
Растет у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечесаный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Косматый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснемся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,

Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и черный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой.
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и черный!

**ПЕСНЬ ДАРЗИ,
ПТИЧКИ-ПОРТНЯЖКИ,
В ЧЕСТЬ ХРАБРОЙ МАНГУСТЫ
РИККИ-ТИККИ-ТАВИ**

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я — портной.
Домик из листьев я шью.
Здесь, на земле,
В небесах над землею
Шью я, и вью, и пою!

Радуйся, нежная мать, —
В битве убийца убит.
Пой свою песню опять —
Недруг в могилу зарыт.
    Злой кровопийца,
    Таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз,
Тикки — бесстрашный герой,
    Рик-Тикки-Тикки,
    Герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей,
Трель вознеси к небесам.
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.

Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым,
Клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

ПЕХОТА В АФРИКЕ

В ногу, в ногу, в ногу, в ногу — мы идем по Африке.
Сотни ног, обутых в ботсы, топают по Африке.
Ботсы, ботсы, ботсы, ботсы топчут пыль дорожную.
    От войны никуда не уйдешь.

Восемь, семь, пятнадцать миль, — тридцать нынче пройдено.
Десять, три, четырнадцать, — двадцать семь вчера прошли.
Бутсы, бутсы, бутсы, бутсы топчут пыль дорожную.

От войны никуда по уйдешь.

Думай, думай, думай, думай, — думай хоть о чем-нибудь,
Или станешь идиотом от такого топота.

Бутсы, бутсы, бутсы, бутсы топчут пыль дорожную.

От войны никуда не уйдешь.

Считай, считай, считай, считай, патроны пересчитывай,
А если зазеваешься, — тебя раздавят тысячи,

Бутсы, бутсы, бутсы, бутсы втопчут в пыль дорожную.

От войны никуда не уйдешь.

Голод, боль, бессонницу — всё ты можешь вынести.
Но нельзя, нельзя, нельзя слышать, как без устали
Бутсы, бутсы, бутсы, бутсы топчут пыль дорожную.

От войны никуда не уйдешь.

Днем еще туда-сюда — все же ты в компании.
Но когда кругом ни зги, только слышишь сапоги —
Только бутсы, бутсы, бутсы топчут пыль дорожную.

От войны никуда не уйдешь.

Сорок дней я был в аду, и, скажу по совести,
Там не жарят, не пекут, — там все то же, что и тут:
Бутсы, бутсы, бутсы, бутсы топчут пыль дорожную.

От войны никуда не уйдешь.

О ВСАДНИКЕ И КОНЕ

Ни шпорой, ни плетью коня не тронь,
Не надо вступать с ним в спор.
Но может в пути минута прийти —
И почувствует взнузданный конь
Хлыста остроту, и железо во рту,
И стальные колесики шпор.

Вильям Йейтс

1865—1939

СКРИПАЧ ИЗ ДУННИ

Когда я на скрипке играю,
Вся улица пляшет со мной.
Двоюродный брат мой — священник.
Священник и брат мой родной.

Но я не завидую братьям:
Им старый молитвенник мил,
А я себе песенник славный
На ярмарке сельской купил.

Когда постучимся мы трое
В день Судный у райских ворот,
Привратник нам всем улыбнется,
Но первым меня позовет.

Кто праведен сердцем, тот весел,
Коль скорбный не выдался час.
А веселые любят скрипку,
А веселые любят пляс.

СТАРАЯ ПЕСНЯ, ПРОПЕТАЯ ВНОВЬ

Я ждал в саду под ивой, а дальше мы вместе пошли.
Ее белоснежные ножки едва касались земли.
— Любите, — она говорила, — легко, как растет листва.
Но я был глуп и молод и не знал, что она права.

А в поле, где у запруды стояли мы над рекой,
Плеча моего коснулась она белоснежной рукой.
— Живите легко, мой милый, как растет меж камней
трава.
Но я был молод, и горько мне вспомнить ее слова.

Джон Мэйсфилд

1878—1967

МОРСКАЯ ЛИХОРАДКА

Опять меня тянет в море,
  где небо кругом и вода.
Мне нужен только высокий корабль,
  и в небе одна звезда,
И песня ветров,
  и штурвала толчки,
  и белого паруса дрожь,
И серый, туманный рассвет над водой,
  которого жадно ждешь.

Опять меня тянет в море,
  и каждый пенный прибой
Морских валов,
  как древний зов,
  влечет меня за собой.
Мне нужен только ветренный день,
  в седых облаках небосклон,
Летающие брызги,
  и пены клочки,
  и чайки тревожный стон.

Макавити, Макавити, таинственный Макавити,
Он дьявол в образе кота, его вы не исправите.
У вас на крыше, на дворе встречает он рассвет.
Но на месте преступленья никогда злодея нет!

По виду он — почтенный кот от лап до бакенбард,
И оттиска его когтей не сделал Скотланд-ярд.
Но если ночью совершен на окорок налет,
Стекло разбито в парнике, цыплят недостает,
Ограблен сейф иль певчий дрозд погиб во цвете лет, —
Там без него не обошлось... Но там его уж нет!

А если в министерстве исчезнет договор
Или в Адмиралтействе чертеж похитит вор,
И вы найдете чей-то след у входа в кабинет, —
Искать его — напрасный труд: злодея нет как нет!

В секретном департаменте, наверно, скажут вам:
«Да, тут не без Макавити... Но где теперь он сам?..»
Он отдыхает в тишине и лижет рыжий хвост
Иль смертности мышей и крыс учитывает рост.

Макавити, Макавити, единственный Макавити!
Его вы не отравите, его вы не удавите!
Он двадцать алиби подряд представит на суде,
Как доказательство того, что не был он нигде.

Я знаю множество других разбойников-котов.
Но я уверен, убежден и присягнуть готов,
Что все коты, которых ждет и ловит Скотланд-ярд,
На побегушках у него, а он — их Бонапарт!

Эдвард Лир

1812—1888

ЭДВАРД ЛИР О САМОМ СЕБЕ

Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он — ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало,
Он привез их из множества стран,
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные.
Кот его называется Фосс.
Тело автора — шарообразное,
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,

Все мальчишки кричат: — Англичанин в халате бежал из больницы!

Он рыдает, бродя в одиночку,
По горам, среди каменных глыб,
Покупает в аптеке примочку,
А в ларьке — марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети,
И не любит он пить рыбий жир...
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек — мистер Лир!

В СТРАНУ ДЖАМБЛЕЙ *

В решете они в море ушли, в решете,
В решете по седым волнам.
С берегов им кричали: — Вернитесь, друзья! —
Но вперед они мчались — в чужие края —
В решете по крутым волнам.

Колесом завертелось в воде решето...
Им кричали: — Побойтесь греха!
Возвратитесь, вернитесь назад, а не то
Суждено вам пропасть ни за что ни про что!.. —
Отвечали пловцы: — Чепуха!

Где-то, где-то вдали
От знакомой земли,

---

* Джамбли — от английского слова jumble — путаница.

На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете.

Так неслись они вдаль в решете, в решете,
В решете, словно в гоночной шлюпке.
И на мачте у них трепетал, как живой,
Легкий парус — зеленый платок носовой
На курительной пенковой трубке.

И матросы, что с ними встречались в пути,
Говорили: — Ко дну они могут пойти,
Ведь немисливо плыть в темноте в решете,
В этой круглой дырявой скорлупке!

А вдали, а вдали
От знакомой земли —
Не скажу, на какой широте, —
Острова зеленели, где Джамбли живут,
Синерукие Джамбли над морем живут.

И неслись они вдаль в решете.

Но проникла вода в решето, в решето,
И, когда обнаружилась течь,
Обернули кругом от колен до ступни
Промокашкою розовой ноги они,
Чтоб от гриппа себя уберечь,
И забрались в огромный кувшин от вина
(А вино было выпито раньше до дна),
И решили немного прилечь...

Далеко-далеко,
И доплыть нелегко
До земли, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете...

По волнам они плыли и ночи и дни,
И едва лишь темнел небосклон,
Пели тихую лунную песню они,
Слыша гонга далекого звон:

«Как приятно нам плыть в тишине при луне
К неизвестной, прекрасной, далекой стране.
Тихо бьется вода о борта решета,
И такая кругом красота!..»

Далеко-далеко
И доплыть нелегко
До страны, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете...

И приплыли они в решете, в решете
В край неведомых гор и лесов...
И купили на рынке гороха мешок,
И ореховый торт, и зеленых сорок,
И живых дрессированных сов,

И живую свинью, и капусты кочан,
И живых шоколадных морских обезьян,
И четырнадцать бочек вина Ринг-Бо-Ри,
И различного сыра — рокфора и бри, —
И двенадцать котов без усов.

За морями — вдали
От знакомой земли —
Есть земля, где на горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут...

И неслись они вдаль в решете!

И вернулись они в решете, в решете
Через двадцать без малого лет.
И сказали друзья: — Как они подросли,
Побывав на краю отдаленной земли,
Повидав по дороге весь свет!

И во славу пловцов, что объехали мир,
Их друзья и родные устроили пир
И клялись на пиру: — Если мы доживем,
Все мы тоже туда в решете поплывем!..

За морями — вдали
От знакомой земли —
На неведомом горном хребте
Синерукие Джамбли над морем живут,
С головами зелеными Джамбли живут.

И неслись они вдаль в решете!

Льюис Кэрролл

1832—1898

БАЛЛАДА О СТАРОМ ВИЛЬЯМЕ

— Папа Вильям, — сказал любопытный малыш, —
Голова твоя белого цвета,
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?

— В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами.

— Ты старик, — продолжал любопытный юнец, —
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?

— В ранней юности, — сыну ответил старик, —
Натирался я мазью особой,
По два шиллинга банка — один золотник.
Вот не купишь ли банку на пробу?

— Ты немолод, — сказал любознательный сын, —
Сотню лет ты без малого прожил.

Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.

— В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!

— Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?

— Нет, довольно! — сказал возмущенный отец, —
Есть границы любому терпенью.
Если новый вопрос ты задашь на конец, —
Сосчитаешь ступень за ступенью!

Александр Аллан Мильн

1882—1956

**БАЛЛАДА О КОРОЛЕВСКОМ
БУТЕРБРОДЕ**

Король —
Его величество —
Просил ее величество,
Чтобы ее величество
Спросила у молочницы:
Нельзя ль доставить масла
На завтрак королю.

Придворная молочница
Сказала: — Разумеется,
Схожу,
Скажу
Корове,
Покуда я не сплю!

Придворная молочница
Пошла к своей корове
И говорит корове,
Лежащей на полу:

— Велели их величества
Известное количество
Отборнейшего масла
Доставить к их столу!

Ленивая корова
Ответила спросонья:
— Скажите их величествам,
Что нынче очень многие
Двуногие безрогие
Предпочитают мармелад,
А также пастилу!

Придворная молочница
Сказала: — Вы подумайте! —
И тут же королеве
Представила доклад:

— Сто раз прошу прощения
За это предложение.
Но если вы намажете
На тонкий ломтик хлеба
Фруктовый мармелад, —
Король, его величество,
Наверно, будет рад!

Тотчас же королева
Пошла к его величеству
И, будто между прочим,
Сказала невпопад:

— Ах да, мой друг, по поводу
Обещанного масла...
Хотите ли попробовать
На завтрак мармелад?

Король ответил:
— Глупости! —
Король сказал:
— О боже мой! —
Король вздохнул: — О господи! —
И снова лег в кровать.

— Еще никто, — сказал он, —
Никто меня на свете
Не называл капризным...
Просил я только масла
На завтрак мне подать!

На это королева
Сказала: — Ну, конечно! .. —
И тут же приказала
Молочницу позвать.
Придворная молочница
Сказала: — Ну, конечно! —
И тут же побежала
В коровий хлев опять.

Придворная корова
Сказала: — В чем же дело?
Я ничего дурного
Сказать вам не хотела.

Возьмите простокваши,
И молока для каши,
И сливочного масла
Могу вам тоже дать!

Придворная молочница
Сказала: — Благодарствуйте! —
И масло на подносе
Послала королю.
Король воскликнул: — Масло!
Отличнейшее масло!
Прекраснейшее масло!
Я так его люблю!

— Никто, никто, — сказал он
И вылез из кровати.
— Никто, никто, — сказал он,
Спускаясь вниз в халате.
— Никто, никто, — сказал он,
Намылив руки мылом.
— Никто, никто, — сказал он,
Съезжая по перилам.
— Никто не скажет, будто я
Тиран и сумасброд,
За то, что к чаю я люблю
Хороший бутерброд!

Из немецких поэтов

Генрих Гейне

1797—1856

* * *

Когда выхожу я утром
И вижу твой тихий дом,
Я радуюсь, милая крошка,
Приметив тебя за окном.

Читаю в глазах черно-карих
И в легком движении век:
«Ах, кто ты и что тебе надо,
Чужой и больной человек?»

Дитя, я поэт немецкий,
Известный в немецкой стране.
Назвав наших лучших поэтов,
Нельзя не сказать обо мне.

И той же болезнью я болен,
Что многие в нашем краю.
Припомнив тягчайшие муки,
Нельзя не назвать и мою.

* * *

Над пеною моря, раздумьем объят,
Сижу на утесе скалистом.
Сшибаются волны, и чайки кричат,
И ветер несется со свистом.

Любил я немало друзей и подруг.
Но где они? Кто их отыщет?
Взбегают и пенятся волны вокруг,
И ветер протяжно свищет.

* * *

В почтовом возке мы катили,
Касаясь друг друга плечом.
Всю ночь в темноте мы шутили,
Болтали — не помню о чем.

Когда же за стеклами в раме
Открылся нам утренний мир,
Амур оказался меж нами,
Бесплатный слепой пассажир.

* * *

Когда тебя женщина бросит, — забудь,
Что верил ее постоянству.
В другую влюбись или трогайся в путь.
Котомку на плечи — и странствуй.

Увидишь ты озеро в мирной тени
Плакучей ивовой роши.
Над маленьким горем немного всплакни,
И дело покажется проще.

Вздыхая, дойдешь до синеющих гор.
Когда же достигнешь вершины,
Ты вздрогнешь, окинув глазами простор
И клёкот услышав орлиный.

Ты станешь свободен, как эти орлы.
И, жить начиная сначала,
Увидишь с крутой и высокой скалы,
Что в прошлом потеряно мало!

* * *

Как из пены вод рожденная,
Ты сияешь потому,
Что невестой нареченною
Стала ты бог весть кому.

Пусть же сердце терпеливое
Позабудет и простит
Все, что дурочка красивая,
Не задумавшись, творит.

* * *

Чтобы спящих не встревожить,
Не вспугнуть примолкших гнезд,
Тихо по небу ступают
Золотые ножки звезд.

Каждый лист насторожился,
Как зеленое ушко.
Тень руки своей вершина
Протянула далеко.

Но вдали я слышу голос —
И дрожит душа моя.
Это зов моей любимой.
Или возглас соловья?

ЛОРЕЛЕЙ

Не знаю, о чем я тоскую.
Покоя душе моей нет.
Забыть ни на миг не могу я
Преданье далеких лет.

Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.

Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым,
И блещут, как золото, пряди
Под гребнем ее золотым.

Проводит по золоту гребнем
И песню поет она.
И власти и силы волшебной
Зовущая песня полна.

Пловец в челноке беззащитном
С тоскою глядит в вышину.
Несется он к скалам гранитным,
Но видит ее одну.

А скалы кругом все отвесней,
А волны — круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.

* * *

Рокочут трубы оркестра,
И барабаны бьют.
Это мою невесту
Замуж выдают.

Гремят литавры лихо,
И гулко гудит контрабас.
А в паузах ангелы тихо
Вздыхают и плачут о нас.

* * *

Двое перед разлукой
Безмолвно подают
Один другому руку,
Вздыхают и слезы льют.

А мы с тобой не рыдали,
Когда нам расстаться пришлось,
Тяжелые слезы печали
Мы пролили позже — и врозь.

* * *

Они мои дни омрачали
Обидой и бедой —
Одни своей любовью,
Другие своей враждой.

Мне в хлеб и вино подсыпали
Отраву за каждой едой —
Одни своей любовью,
Другие своей враждой.

Но та, кто всех больше терзала
Меня до последнего дня,
Враждою ко мне не пылала,
Любить — не любила меня.

* * *

Кто влюбился без надежды,
Расточителен, как бог.
Кто влюбиться может снова
Без надежды, — тот дурак.

Это я влюбился снова
Без надежды, без ответа.
Насмешил я солнце, звезды,
Сам смеюсь — и умираю.

* * *

Как ты поступила со мною,
Пусть будет неведомо свету.

Об этом у берега моря
Я рыбам сказал по секрету.

Пятна́ть твое добро́е имя
На твердой земле я не стану,
Но слух о твоём вероломстве
Пойдет по всему океану!

* * *

Весь отражен простором
Зеркальных рейнских вод,
С большим своим собором
Старинный Кёльн встает.

Сиял мне в старом храме
Мадонны лик святой.
Он писан мастерами
На коже золотой.

Вокруг нее — цветочки,
И ангелы реют над ней.
А волосы, брови и щечки —
Совсем как у милой моей.

* * *

Не подтрунивай над чертом —
Годы жизни коротки,
И загробные мученья,
Милый друг, не пустяки.

А долги плати исправно.
Жизнь не так уж коротка.
Занимать еще придется
Из чужого кошелька!

* * *

Какая дурная погода!
Дождь или снег — не пойму.
Сиж у окна и гляжу я
В сырую, ненастную тьму.

Чей огонек одинокий
Плывет и дрожит вдалеке?
Я думаю, это фонарик
У женщины старой в руке.

Должно быть, муки или масла
Ей нужно достать поскорей.
Печет она, верно, печенье
Для дочери взрослой своей.

А дочь ее нежится в кресле,
И падает ей на лицо,
На милые, сонные веки
Волос золотое кольцо.

* * *

За столиком чайным в гостиной
Спор о любви зашел.
Изысканны были мужчины,
Чувствителен нежный пол.

— Любить платонически надо! —
Советник изрек приговор,
И был ему тут же наградой
Супруги насмешливый взор.

Священник заметил: — Любовью,
Пока ее пыл не иссяк,
Мы вред причиняем здоровью.
Девушка спросила: — Как так?

— Любовь — это страсть роковая! —
Графиня произнесла
И чашку горячего чая
Барону, вздохнув, подала.

Тебя за столом не хватало.
А ты бы, мой милый друг,
Верней о любви рассказала,
Чем весь этот избранный круг.

* * *

С надлежащим уважением
Принят дамами поэт.
Мне с моим бессмертным гением
Сервирован был обед.

Выбор вин отменно тонок.
Суп ласкает вкус и взор.
Восхитителен цыпленок.
Заяц сочен и остер.

О стихах зашла беседа...
И поэт, по горло сыт,
Устроительниц обеда
За прием благодарит.

* * *

Материю песни, ее вещество
Не высосет автор из пальца.
Сам бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца.

Из пыли и гнили древнейших миров
Он создал мужчину — Адама.
Потом из мужского ребра и жиров
Была изготовлена дама.

Из праха возник у него небосвод.
Из женщины — ангел кроткий.
А ценность материи придает
Искусная обработка.

* * *

Твои глаза — сапфира два,
Два дорогих сапфира.
И счастлив тот, кто обретет
Два этих синих мира.

Твое сердечко — бриллиант.
Огонь его так ярок!
И счастлив тот, кому пошлет
Его судьба в подарок.

Твои уста — рубина два.
Нежны их очертанья.
И счастлив тот, кто с них сорвет
Стыдливое признание.

Но если этот властелин
Рубинов и алмаза
В лесу мне встретится один, —
Он их лишится сразу!

БОЛЬШИЕ ОБЕЩАНИЯ

Мы немецкую свободу
Не оставим босоножкой.
Мы дадим ей в непогоду
И чулочки и сапожки.

На головку ей наденем
Шапку мягкую из плюша,
Чтобы вечером осенним
Не могло продуть ей уши.

Мы снабдим ее закуской.
Пусть живет в покое праздном, —
Лишь бы только бес французский
Не смутил ее соблазном.

Пусть не будет в ней нахальства,
Пусть ее научат быстро
Чтить высокое начальство
И персону бургомистра!

* * *

Кричат, негодуя, кастраты,
Что я не так пою.
Находят они грубоватой
И низменной песню мою.

Но вот они сами запели
На свой высокий лад,
Рассыпали чистые трели
Тончайших стеклянных рулад.

И, слушая вздохи печали,
Стенанья любовной тоски,
Девицы и дамы рыдали,
К щекам прижимая платки.

ГОНЕЦ

Гонец, скачи во весь опор
Через леса, поля,
Пока не въедешь ты во двор
Дункана-короля.

Спроси в конюшне у людей,
Кого король-отец
Из двух прекрасных дочерей
Готовит под венец.

Коль темный локон под фатой,
Ко мне стрелой лети.

А если локон золотой,
Не торопись в пути.

В канатной лавке раздобудь
Веревку для меня
И поезжай в обратный путь,
Не горяча коня.

ПОГОДИТЕ!

Из-за того, что я владею
Искусством петь, светить, блистать,
Вы думали, — я не умею
Грозющим громом грохотать?

Но погодите: час настанет —
Я проявлю и этот дар.
И с высоты мой голос грянет,
Громовый стих, грозы удар.

Мой буйный гнев, тяжел и страшен,
Дубы расколет пополам,
Встряхнет гранит дворцов и башен
И не один разрушит храм.

* * *

Уходит Счастье без оглядки.
Не любит ветреница ждать.
Рукой со лба откинет прядки,
Вас поцелует — и бежать.

А тетка Горе из объятий
Вас не отпустит долгий срок.
Присядет ночью у кровати
И вяжет, вяжет свой чулок.

* * *

Я с любимой разлучился
И смеяться разучился.
Шутят глупо иль умно —
Мне нисколько не смешно.

Только с ней я разлучился,
Я и плакать разучился,
Рвется сердце на куски,
Но не плачу от тоски.

* * *

Большое море в блеске дня
Сверкает на просторе.
Когда умру я, вы меня
Похороните в море.

Я в этой жизни так любил
Бегущий вал свободный
И охлаждал сердечный пыл
Морской волной холодной.

* * *

Будто призраки — мы оба.
Между нами — тень любви.

Ну-ка, дурочка, попробуй —
Этот миг останови!

Счастьем пользуются люди
Только несколько минут,
Сердце — всё оно забудет,
А глаза — глаза уснут.

* * *

Юноша девушку любит.
Другой ее сердцу милей.
Другой же влюбился в другую
И вскоре женился на ней.

За первого встречного замуж
Девушка выйти спешит.
Идет она замуж с досады,
А юноша горем убит.

Все это — старая песня,
Но вечно она молода.
И тот, с кем такое случится,
Теряет покой навсегда.

Из венгерских поэтов

Шандор Петефи

1823—1849

ПРИВАЛ В ПУТИ

Что тут за шумное веселье?
Пирушка, свадьба, новоселье?
Нет, по пути — сквозь дождь и тьму —
Примчались всадники в корчму.

— Корчмарша, гей! Без проволочки
Налей вина из старой бочки.
Что? Деньги? Будут! Кончим бой —
И рассчитаемся с тобой.

Налей вина из старой бочки
Да не вели стесняться дочке.
Целуй, голубка! Кончим бой —
И обвенчаемся с тобой.

Так пировали, чередуя
Огонь вина и поцелуя,
Те, чью судьбу решал рассвет, —
Как будто жить им сотни лет!

Где мы — на свадьбе иль на тризне?
Тут холод смерти с жаром жизни,
Любовь и смерть, вино и кровь,
Смерть и бессмертная любовь!

* * *

Блаженны те, кому дано
В короткой этой жизни
Любить подруг, и пить вино,
И жизнь отдать отчизне.

Из югославских поэтов

Йован Йованович-Змай

1833—1904

ЧЕСТЬ

Чести золото не купит:
Честный чести не уступит.
Честь нужна ему, как свет.

Рад продать ее бесчестный...
Но, как всякому известно,
У бесчестных чести нет.

КРАПИВА

Жжется сильнее злая крапива,
Если берут ее слишком учтиво.

Если ж возьмете ее, не робея,
Злая крапива жалит слабее.

Меньше терзают беды и муки,
Если вы крепко берете их в руки!

* * *

На странный мост похожа ложь:
Туда ты по мосту пойдешь,
Но только помни, что сюда
Ты не вернешься никогда.

**ИЗ АНГЛИЙСКОЙ
И
ШОТЛАНДСКОЙ
НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ**

Баллады и песни

КОРОЛЬ И ПАСТУХ

1

Послушайте повесть
Минувших времен
О доблестном принце
По имени Джон.
Судил он и правил
С дубового трона,
Не ведая правил,
Не зная закона.

Послушайте дальше.
Сосед его близкий
Был архиепископ
Кентерберийский.
Он жил-поживал,
Не нуждаясь ни в чем,
И первым в народе
Прослыл богачом.

Но вот за богатство
И громкую славу
Зовут его в Лондон
На суд и расправу.

Везут его ночью
К стене городской,
Ведут его к башне
Над Темзой-рекой.

2

— Здорово, здорово,
Смиренный аббат,
Получше меня
Ты живешь, говорят.
Ты нашей короне
Коварный изменник.
Тебя мы лишаем
Поместий и денег!

Взмолился епископ:
— Великий король,
Одно только слово
Сказать мне позволь.
Всевышнему богу
И людям известно,
Что трачу я деньги,
Добытые честно.

— Не ври понапрасну,
Плешивый аббат.
Для всякого ясно,
Что ты виноват,

И знай: навсегда
Твоя песенка спета,
Коль на три вопроса
Не дашь мне ответа.

Вопросы такие:
Когда я на троне
Сижу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, —
Какая цена мне,
Ты должен сказать.

Потом разгадай-ка
Загадку другую:
Как скоро всю землю
Объехать могу я.
А в третьих, сказать
Без запинки изволь:
Что думает
Твой милосердный король.

Тебе на раздумье
Даю две недели,
И столько же будет
Душа в твоём теле.
Подумай, епископ,
Четырнадцать дней, —
Авось на пятнадцатый
Станешь умней!

Вот едет епископ,
Рассудком нетверд.
Заехал он в Кембридж,
Потом в Оксенфорд*.
Увы, ни один
Богослов и философ
Ему не решил
Королевских вопросов.

Проездил епископ
Одиннадцать дней
И встретил за мельницей
Стадо свиней.
Пастух поклонился
Учтиво и низко
И молвил: — Что слышно,
Хозяин-епископ?

— Печальные вести,
Пастух, у меня:
Гулять мне на свете
Осталось три дня.
Коль на три вопроса
Не дам я ответа,
Вовсе не видеть
Мне белого света!

---

* Оксенфорд — старинное название Оксфорда.

— Милорд, не печалься.
Бывает и так,
Что умным в беде
Помогает дурак.
Давай-ка мне посох,
Кольцо и сутану,
И я за тебя
Перед троном предстану.

Ты — знатный епископ,
А я — свинопас,
Но в детстве, мне помнится,
Путали нас.
Прости мою дерзость,
Твое преподобье,
Но все говорят,
Что мое ты подобье!

— Мой верный пастух,
Я тебе отдаю
И посох, и рясу,
И митру мою.
Да будет с тобою
Премудрость господня.
Но только смотри
Отправляйся сегодня!

4

Вот прибыл пастух
В королевский дворец.
— Здорово, здорово,
Смиранный отец.

Тебя во дворце
Я давно поджидаю.
Садись — я загадки
Тебе загадаю.

А ну-ка, послушай:
Когда я на троне
Сижу в золотой
Королевской короне,
А справа и слева
Стоит моя знать, —
Какая цена мне,
Ты должен сказать!

Пастух королю
Отвечает с поклоном:
— Цены я не знаю
Коронам и тронам.
А сколько ты стоишь,
Спроси свою знать,
Которой случилось
Тебя продавать!

Король усмехнулся:
— Вот ловкий пройдоха!
На первый вопрос
Ты ответил неплохо.
Теперь догадайся:
Как скоро верхом
Могу я всю землю
Объехать кругом.

— Чуть солнце взойдет,
Поезжай понемногу
И следом за солнцем
Скачи всю дорогу,
Пока не вернется
Оно в небеса, —
Объедешь ты в двадцать
Четыре часа!

Король засмеялся:
— Неужто так скоро?
С тобой согласишься
Я должен без спора.
Теперь напоследок
Ответить изволь:
Что думает
Твой милосердный король?

— Что ж, — молвил пастух,
Поглядев простовато, —
Ты думаешь, сударь,
Что видишь аббата...
Меж тем пред тобою
Стоит свинопас,
Который аббата
От гибели спас!

РОБИН ГУД И ШЕРИФ

Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.

Но самый радостный в году
Веселый месяц май.

Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.

— Что слышно, хозяйка, у вас в городке? —
Старуху спросил Робин Гуд.

— Я слышала, трою моих сыновей
Пред казнью священника ждут.

— Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину:
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?

— Нет, сударь, они не виновны ни в чем.
— За что же карает их суд?
— За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.

— Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, — сказал Робин Гуд, —
Тебе я в беде помогу!

Вот едет, едет Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам
И видит: старый пилигрим
Плетется по холмам.

— Что слышно на свете, седой пилигрим? —
Спросил старика Робин Гуд.
— Трех братьев у нас в Ноттингамской тюрьме
На смерть в эту ночь поведут.

— Надень-ка одежду мою, пилигрим,
Отдай-ка свое мне тряпье,
А вот тебе сорок монет серебром —
И пей за здоровье мое!

— Богат твой наряд, — отвечал пилигрим, —
Моя одежонка худа.
Над старым в беде и над нищим в нужде
Не смейся, сынок, никогда.

— Бери, старичок, мой богатый наряд.
Давай мне одежду свою,
И двадцать тяжелых монет золотых
Тебе я в придачу даю!

Колпак пилигрима надел Робин Гуд,
Не зная, где зад, где перед.
— Клянусь головой, он слетит с головы,
Чуть дело до дела дойдет!

Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
Хорошие были штаны:
Прорехи в коленях, прорехи с боков.
Заплата пониже спины.

Надел Робин Гуд башмаки старика
И молвил: — Иных узнают
По платью, а этого можно узнать,
Увидев, во что он обут!

Надел он дырявый, заплатаанный плащ,
И только осталось ему
Клюкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.

Идет, хромая, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам,
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.

— Спаси и помилуй, — сказал Робин Гуд. —
На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду!

— Штаны и кафтан ты получишь, старик,
Две пинты вина и харчи.
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдешь в палачи!

Но вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень — скок.
— Клянусь головою, — воскликнул шериф, —
Ты бодрый еще старичок!

— Я не был, шериф, никогда палачом,
Ни разу не мылил петлю.
И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!

Не так уж я беден, почтенный шериф.
Взгляни-ка на этот мешок:
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.

Рожок подарил мне мой друг Робин Гуд.
Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.

— Труби, — засмеялся надменный шериф, —
Пугай воробьев и синиц.
Труби сколько хочешь, покуда глаза
Не вылезут вон из глазниц!

Протяжно в рожок затрубил Робин Гуд,
И гулом ответил простор.
И видит шериф: полтораста коней
С окрестных спускаются гор.

И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.

— Что это за люди? — воскликнул шериф.
— Мои! — отвечал Робин Гуд.
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.

**БАЛЛАДА О МЕЛЬНИКЕ
И ЕГО ЖЕНЕ**

1

Вернулся мельник вечерком
На мельницу домой
И видит: конь под чепраком
Гуляет вороной.

— Хозяйка, кто сюда верхом
Приехал без меня?
Гуляет конь перед крыльцом,
Уздечкою звеня.

— Гуляет, конь,
Ты говоришь?
— Гуляет,
Говорю!
— Звенит уздечкой,
Говоришь?
— Уздечкой,
Говорю!

— С ума ты спятил, старый плут
Напился ты опять!
Гуляет по двору свинья,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Свиною прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Свиной немало я видал,
Со свиньями знаком,
Но никогда я не видал
Свиньи под чепраком!

2

Вернулся мельник вечерком,
Идет к своей жене
И видит новенький мундир
И шляпу на стене.

— Хозяйка, что за командир
Пожаловал в мой дом?
Зачем висит у нас мундир
И шляпа с галуном?

— Побойся бога, старый плут,
Ни сесть тебе, ни встать!
Мне одеяло и чепец
Вчера прислала мать!

— Чепец прислала,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— И одеяло,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало видел я, жена,
Чепцов и одеял,
Но золотого галуна,
На них я не видал!

3

Вернулся мельник вечерком,
Шагнул через порог
И видит пару щегольских
Начищенных сапог.

— Хозяйка, что за сапоги
Торчат из-под скамьи?
Свои я знаю сапоги,
А это не мои!

— Ты пьян как стелька, старый плут!
Иди скорее спать!
Стоят под лавкой два ведра,
Что мне прислала мать.

— Прислала мать,
Ты говоришь!
— Прислала,
Говорю!

— Прислала ведра,
Говоришь?
— Прислала,
Говорю!

— Немало ведер я видал
На свете до сих пор,
Но никогда я не видал
На ведрах медных шпор!

ЖЕНЩИНА ИЗ АШЕРС ВЕЛЛ

Жила старуха в Ашерс Велл,
Жила и не грустила,
Пока в далекие края
Детей не отпустила.

Она ждала от них вестей
И вот дождалась вскоре:
Ее три сына молодых
Погибли в бурном море.

— Пусть дуют ветры день и ночь
И рвут рыбачьи сети,
Пока живыми в отчий дом
Не возвратитесь, дети!

Они вернулись к ней зимой,
Когда пришли морозы.
Их шапки были из коры
Неведомой березы.

Такой березы не найти
В лесах родного края —
Береза белая росла
У врат святого рая.

— Раздуйте, девушки, огонь,
Бегите за водою!
Все сыновья мои со мной,
Я нынче пир устрою!

Постель широкую для них
Постлала мать с любовью,
Сама закуталась в платок
И села к изголовью.

Вот на дворе поет петух,
Светлеет понемногу,
И старший младшим говорит:
— Пора нам в путь-дорогу!

Петух поет, заря встает,
Рогов я слышу звуки.
Нельзя нам ждать — за наш уход
Терпеть мы будем муки.

— Лежи, лежи, наш старший брат,
Еще не встала зорька.
Проснется матушка без нас
И будет плакать горько!

Смотри, как спит она, склонясь,
Не ведая тревоги.
Платочек с плеч она сняла
И нам укрыла ноги.

Она повесили на гвоздь
Платок давно знакомый.
— Прощай, платок! Не скоро вновь
Ты нас увидишь дома.

Прощайте все: старуха-мать
И девушка-служанка,
Что рано по двору бежит
С тяжелою вязанкой.

Прощай, амбар, сарай и клеть
И ты, наш пес любимый.
Прости-прощай, наш старый дом
И весь наш край родимый!

КОРОЛЕВА ЭЛИНОР

Королева Британии тяжело больна,
Дни и ночи ее сочтены.
И позвать исповедников просит она
Из родной, из французской страны.

Но пока из Парижа попов привезешь,
Королеве настанет конец...
И король посылает двенадцать вельмож
Лорда-маршала звать во дворец.

Он верхом прискакал к своему королю
И колени склонить поспешил.
— О король, я прощенья, прощенья молю,
Если в чем-нибудь согрешил!

— Я клянусь тебе жизнью и троном своим:
Если ты виноват предо мной,
Из дворца моего ты уйдешь невредим
И прощенный вернешься домой.

Только плащ францисканца на панцирь надень.
Я оденусь и сам, как монах.
Королеву Британии завтрашний день
Исповедовать будем в грехах!

Рано утром король и лорд-маршал тайком
В королевскую церковь пошли,
И кадили вдвоем, и читали псалом,
Зажигая лампад фитили.

А потом повели их в покои дворца,
Где больная лежала в бреду.
С двух сторон подступили к ней два чернеца,
Торопливо крестясь на ходу.

— Вы из Франции оба, святые отцы? —
Прошптала жена короля.
— Королева, — сказали в ответ чернецы, —
Мы сегодня сошли с корабля!

— Если так, я покаюсь пред вами в грехах
И верну себе мир и покой!
— Кайся, кайся! — печально ответил монах.
— Кайся, кайся! — ответил другой.

— Я неверной женою была королю.
Это первый и тягостный грех.
Десять лет я любила и нынче люблю
Лорда-маршала больше, чем всех!

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
— Кайся, кайся! — сурово ответил монах.
А другой отозвался: — Аминь!

— Зимним вечером ровно три года назад
В этот кубок из хрустала
Я украдкой за ужином всыпала яд,
Чтобы власть напоить короля.

Но сегодня, о боже, покаюсь в грехах,
Ты пред смертью меня не покинь!..
— Кайся, кайся! — угрюмо ответил монах.
А другой отозвался: — Аминь!

— Родила я в замужестве двух сыновей,
Старший принц и хорош и пригож,
Ни лицом, ни умом, ни отвагой своей
На уродя отца не похож.

А другой мой малютка плешив, как отец,
Косоглаз, косолап, кривоног!..
— Замолчи! — закричал косоглазый чернец.
Видно, больше терпеть он не мог.

Отшвырнул он распятые, и, сбросивши с плеч
Францисканский суровый наряд,
Он предстал перед ней, опираясь на меч,
Весь в доспехах от шеи до пят.

И другому аббату он тихо сказал:
— Будь, отец, благодарен судьбе!
Если б клятвой себя я вчера не связал,
Ты бы нынче висел на столбе!

ГРАФИНЯ-ЦЫГАНКА

Цыгане явились на графский двор,
Играя на тамбурине.
Так звонко гремел их веселый хор,
Что в замке проснулась графиня.

Танцуя, сбежала она на крыльцо,
И громче цыгане запели.
Увидев ее молодое лицо,
Они ее сглазить успели.

— Шелка дорогие снимите с меня,
Подайте мне шаль простую.
Пускай от меня отречется родня, —
С цыганами в степь уйду я.

Вчера мне служанки стелили кровать
У мужа в богатом доме.
А нынче в амбаре я лягу спать
С цыганами на соломе!

— Пойдешь ли со мною, — спросил ее Джек, —
Скитаться в ненастье и стужу?
Клянусь я ножом, не вернешься вовек
Ты в замок оставленный — к мужу!

— С тобою я рада весь мир обойти
И плыть по морям-океанам.
С тобою готова погибнуть в пути.
С моим кареглазым цыганом!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко,
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

— Бывало, я в воду спускалась верхом,
И лорд мой был рядом со мною.
Теперь перейду я поток босиком
С тяжелым мешком за спиною!

Покинутый граф воротился домой.
Скликает он няnek и мамок.
Ему говорят: «На шатер кочевой
Она променяла твой замок».

— Седлайте живой вороного коня.
За ним не угнаться гнедому.
Пока ее нет на седле у меня,
Дорогу забуду я к дому!

Дорога бежит по лесам, по горам,
То низко бежит, то высоко.
Но вот выбегает она к берегам
Шумящего в скалах потока.

— Вернись, молодая графиня, домой.
Ты будешь в атласе и в шелке
До смерти сидеть за высокой стеной
В своей одинокой светелке!

— О нет, дорогой! Не воротишь домой
Меня ни мольбою, ни силой.
Кто варит свой мед, тот сам его пьет.
А я его крепко сварила!

РУСАЛКА

Морская песня

В эту пятницу утром
Неслись мы вперед,
Оставляя маяк вдалеке.
Видим: следом за нами
Русалка плывет
С круглым зеркальцем,
С гребнем в руке.

Нам вдогонку
Летел ураган.
А кругом океан
Бушевал.
Убирать паруса
Приказал капитан
В это утро,
В последний аврал.

Показалась русалка
И скрылась опять.
И сказал
Наш матрос молодой:
— Я оставил на родине
Старую мать.
Пусть не ждет она сына домой.

Выйдет к берегу мать,
Будет паруса ждать
При бесчисленных звездах и луне.
Пусть напрасно не ждет,
Слез горячих не льет,
Пусть поищет, пошарит на дне!

Наши утлые шлюпки
Сорвала волна,
И сказал капитан удалой:
— Будет плакать моя
Молодая жена.
В эту ночь она станет вдовой!

По горбатым волнам
Мы неслись без руля,
И сказал
Наш запасливый кок:
— Не дождется земля
Моего корабля,
А меня не дождется сынок!

Мы работали дружно,
 Тонули мы врозь —
 Это было судьбой суждено.
 Уцелевшей доски
 Под рукой не нашлось,
 И пошли мы на темное дно,

на дно,

на дно,

За русалкой
 На темное дно!

ПЕСНЯ НИЩИХ

Вот так ночь! Ночь из ночей!
 Вечная ночь за могилой.
 Град и огонь и мерцанье свечей,
 И господь твою душу помилуй!

Долго во мраке будешь идти —
 Вечная ночь за могилой.
 Тернии будут расти на пути.
 Господь твою душу помилуй!

Если ты нищему дал сапоги, —
 Вечная ночь за могилой, —
 Сядь, натяни их и дальше беги,
 И господь твою душу помилуй!

Если ж ты лишнюю обувь берег, —
Вечная ночь за могилой, —
Ты по колючкам пойдешь без сапог,
И господь твою душу помилуй!

Долго во мраке будешь идти —
Вечная ночь за могилой.
К мосту страстей ты придешь по пути,
Господь твою душу помилуй!

Только по страшному мосту пройдешь, —
Вечная ночь за могилой, —
Прямо в чистилище ты попадешь,
Господь твою душу помилуй!

Если твоя не скудела ладонь, —
Вечная ночь за могилой, —
Ты невредимым пройдешь сквозь огонь,
И господь твою душу помилуй!

Если ж берег ты вино и харчи, —
Вечная ночь за могилой, —
Будешь гореть в раскаленной печи.
Господь твою душу помилуй!

Вот так ночь! Ночь из ночей!
Вечная ночь за могилой,
Град и огонь и мерцанье свечей,
И господь твою душу помилуй!

ИЗ ПОЗАБЫТЫХ ПЕСЕН

1

Западный ветер, повея ты вновь
И маленький дождь пролей.
Ах, если б со мною была любовь,
А я — в постели своей!

2

Сквозь снег и град
Вернись назад,
Вернись ко мне, вернись ко мне,
Мой милый друг, вернись ко мне!
В потемках лет
Пропал твой след.
Вернись, вернись, вернись ко мне!

Стихи для детей

ГВОЗДЬ И ПОДКОВА

Не было гвоздя —
Подкова
Пропала.

Не было подковы —
Лошадь
Захромала.

Лошадь захромала —
Командир
Убит.

Конница разбита,
Армия
Бежит.

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого что в кузнице
Не было гвоздя.

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать!

ТРИ ЗВЕРОЛОВА

Три смелых зверолова
Охотились в лесах.
Над ними полный месяц
Сиял на небесах.

— Смотрите, это — месяц! —
Зевнув, сказал один.
Другой сказал: — Тарелка! —
А третий крикнул: — Блин!

Три смелых зверолова
Бродили целый день,
А вечером навстречу
К ним выбежал олень.

Один сказал: — Ни слова,
В кустарнике олень! —
Другой сказал: — Корова! —
А третий крикнул: — Пень!

Три смелых зверолова
Сидели под кустом,
А кто-то на березе
Помахивал хвостом.

Один воскликнул: — Белка!
Стреляй, чего глядишь! —
Другой сказал: — Собака! —
А третий крикнул: — Мышь!

ПЕСНЯ О САМОМ СЕБЕ

Шел я сам по себе,
Говорил я себе,
Говорил я себе самому:
— Сам смотри за собой,
Сам ходи за собой,
Не нужны мы с тобой никому!

Отвечал я себе,
И сказал я себе,
И сказал я себе самому:

— Ой, ходи за собой,
Не ходи за собой,
А придешь все равно к одному!

Тут прервал я себя:
— Постыдись-ка себя,
Пожалей ты себя самого.
Кто следит за собой
Да глядит за собой,
Проживет, не боясь ничего.

Выходя из себя,
Обругал я себя
И сказал самому себе так:
— Сам следи за собой
Да гляди за собой..
Ишь учить меня вздумал — дурак!

КЛЮЧ ОТ КОРОЛЕВСТВА

Вот вам ключ от королевства.

В королевстве — город,
А в городе — улица,
А на улице есть двор,
На дворе — высокий дом,
В этом доме — спальенка,
В спальне — колыбелька,
В колыбельке — ландышей
Полная корзина.

Ландышей,
Ландышей —
Полная корзина.

Ландыши — в корзине,
Корзина — в колыбельке,
Колыбелька — в спальенке,
А спальенка — в доме,
Дом стоит среди двора,
Двор глядит на улицу,
А улица — в городе,
Город — в королевстве.

Вот от королевства ключ,
Ключ от королевства!

ТРИ МУДРЕЦА

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.

Будь попрочнее
Старый таз,
Длиннее
Был бы мой рассказ.

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ...

Кабы реки и озера
Слить бы в озеро одно,
А из всех деревьев бора
Сделать дерево одно,

Топоры бы все расплавить,
И отлить один топор,

А из всех людей составить
Человека выше гор,

Кабы, взяв топор могучий,
Этот грозный великан
Этот ствол обрушил с кручи
В это море-океан, —

То-то громкий был бы треск,
То-то шумный был бы плеск!

В ГОСТЯХ У КОРОЛЕВЫ

— Где ты была сегодня, киска?
— У королевы у английской.

— Что ты видала при дворе?
— Видала мышку на ковре!

О МАЛЬЧИКАХ И ДЕВОЧКАХ

Из чего только сделаны мальчики?
Из чего только сделаны мальчики?
Из улиток, ракушек
И зеленых лягушек.
Вот из этого сделаны мальчики!

Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?

Из конфет и пирожных
И сластей всевозможных.
Вот из этого сделаны девочки!

Из чего только сделаны парни?
Из чего только сделаны парни?
Из насмешек, угроз,
Крокодиловых слез.
Вот из этого сделаны парни!

Из чего только сделаны барышни?
Из чего только сделаны барышни?
Из булавок, иголок,
Из тесемок, наколок.
Вот из этого сделаны барышни!

ЖЕНА В ТАЧКЕ

Покуда не был я женат,
Я был так одинок
И прятал сыр и ветчину
На полке в уголок.

Но так как мыши грызли сыр
И ели ветчину,
Поехать в Лондон я решил
И взять себе жену.

Широких улиц там не счесть,
А в переулках тесно.

Не мог проехать я с женой
В карете многоместной.

Жену я в тачку погрузил
И сам ее повез,
Но скоро тачка и жена
Свалились под откос.

МУЖЕНЕК С НОГОТОК

Есть у Мэри муженек
Меньше, чем твой палец.
Мэри прячет муженька
В маленький бокальчик.

Посадила на конька —
Вороного, с челкой —
И послала муженька
В город за иголкой.

Сшила брючки своему
Коротышке мужу.
Сшила курточку ему,
Чтоб не мерз он в стужу.

Шубу с шапкой меховой,
Чтоб гулять в морозы,
И платочек носовой,
Чтоб утер он слезы.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

Вот дом,
Который построил Джек.

А это пшеница,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это веселая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот кот,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот пес без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это старушка, седая и строгая,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,

Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек!

Эпиграммы

НА ХУДОЖНИКА-ПОРТРЕТИСТА

В своих портретах, как ни бился,
Добиться сходства он не мог.

Его детьми утешил бог, —
И в них он сходства не добился!..

ЭПИТАФИЯ СКРЯГЕ

Он умер оттого, что был он скуп:
Не полечился, — денег было жалко;
Но если б знал он цену катафалка,
Он ожил бы, чтобы нести свой труп!

НА СМЕРТЬ ПОХОРОННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Оплакивал он многих — по профессии,
Но только раз себе позволил он
Лежать во время траурной процессии
И не напиток после похорон.

О ГРАМОТНОСТИ

У старого Отто три юные дочки.
Они написать не умели ни строчки.

Отец не решался купить им тетрадь,
Чтоб писем любовных не стали писать.

Но младшая деда поздравила с внучкой:
Писать научилась она самоучкой.

О ПОЦЕЛУЕ

— Он целовал вас, кажется?
— Боюсь, что это так!
— Но как же вы позволили?
— Ах, он такой чудак!
Он думал, что уснула я
И все во сне стерплю,
Иль думал, что я думала,
Что думал он: я сплю!

ВЕТОЧКА

Пригнул я веточку весной —
Из тысячи одну.
Она не спорила со мной,
Пока была в плену.
Когда же я ее домой
Отправил — в вышину, —

Какой был шум, какой был свист!
Разрезав воздух, точно хлыст,
Она ушла к другим ветвям,
Меня послав ко всем чертям.

И долго в тишине лесной
Шептались ветки надо мной...

О ДУРАКАХ

Жму руки дуракам обеими руками:
Как многим, в сущности, обязаны мы им!
Ведь если б не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Здесь я покоюсь — Джимми Хогг.
Авось грехи простит мне бог,
Как я бы сделал, будь я бог,
А он — покойный Джимми Хогг!

ПРО ОДНОГО ФИЛОСОФА

«Мир, — учил он, — мое представление!»
А когда ему в стул под сидение
Сын булавку воткнул,
Он вскричал: «Караул!»
Как ужасно мое представление!»

ПРО ДРУГОГО ФИЛОСОФА

Он был чудачком и, куда бы ни шел,
Продельвал путь круговой,
Поскольку он шел,
Куда нос его вел,
А нос у него был кривой.

ПО ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Сегодня в полдень пущена ракета.
Она летит куда скорее света
И долетит до цели в семь утра
Вчера...

НА НЬЮТОНА И ЭЙНШТЕЙНА

Был этот мир глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.

(Эпиграмма XVIII века)

Но сатана недолго ждал реванша.
Пришел Эйнштейн — и стало все, как раньше.

(Эпиграмма XX века)

ЭПИТАФИЯ ШОФЕРУ

Бедный малый в больничном бараке
Отдал душу смиренную богу:
Он смотрел на дорожные знаки
И совсем не смотрел на дорогу...

ВЕЧНАЯ ТАЙНА

Увидев девушку безвестную случайно,
«Как поживаете?» — спросил ее поэт.

Ни слова девушка не молвила в ответ,
И как живет она, навек осталось тайной...

О ХАНЖЕ И ЕГО ЛОШАДИ

Ханжу кобыла укусила.
Она была права:
Его же проповедь гласила,
Что наша плоть — трава!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ГРЕНАДЕРА ХЕМПШИРСКОГО ПОЛКА

Я, гренадер, лежу в земле сырой.
Я простудился, выпив кружку пива.
Не пейте пива жаркою порой,
А пейте спирт — и будете вы живы!

МАЛЕНЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ

Под этой скромной насыпью в могиле
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли...
Признаться, Джоном назывался он,
Но не рифмуется с могилой имя «Джон».

СТАРАЯ И НОВАЯ

Новая церковь —
Свободная церковь,
Церковь без колокольцев.

Старая церковь —
Холодная церковь,
Церковь без богомольцев.

О ПЬЯНСТВЕ

Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьба и развод,
Мороз, охота, Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин
И просто пьянство — без причин!

О ТОМ ЖЕ

Чтобы ему напиться пьяным,
Нужна бутылка со стаканом,
Друзей беспечных тесный круг
Или один сердечный друг.

Возможно пить и в одиночку.
Бутылки нет — давайте бочку.
Пить без стакана мудрено,
Но можно, — было бы вино!

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ ПО МЕНДЕЛЮ

В наследственность верит не всякий,
Но белая, бывшая в браке
С одним из цветных,
Родила шестерых:
И белых, и черных, и хаки.

НАСЛЕДСТВО

От покойницы немного
Получили мы, племянники:
Только липовую ногу
Да холщовые подштанники,

Табакерку и кофейничек,
Но без крышки и без носика,
Да серебряный ошейничек
От скончавшегося песика...

О ГРУШАХ

Тот, кто моих не хочет груш,
Не трогай веточек моих.
А кто не будущий мой муж,
Тот мне сегодня не жених.

ДОЖДИК

Всех мочит дождик с высоты,
Но больше мокнет люд хороший.

У нехороших есть зонты,
И макинтоши,
И калоши.

ЗАГАДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Моля о свиданье опять и опять,
Не тронул я сердца прелестницы...
Хоть женщинам свойственно чувства скрывать,
К чему меня сбрасывать с лестницы?

* * *

Как мог
Ваш бог,
Землей владея,
Избрать в любимцы иудея?

Ответ:

А не находите ли странным,
Что вам, смиренным христианам,
Пришел на ум такой вопрос,
Когда ваш бог — еврей Христос?

КОРОЛЬ И КОШКА

На короля смотреть в упор
Имеет право кошка.
И я могу на всякий вздор
Смотреть в свое окошко.

РЕПА И ОТЕЦ

Тот, кто кричит на рынке: «Репа! Репа!»,
Но не кричит, когда умрет отец, —
Ведет себя преступно и нелепо.
Он с головы до пяток — продавец.
Ему дороже репа, чем отец!

ЭПИТАФИЯ-ОБЪЯВЛЕНИЕ

Лежу под камнем я — вдова
Владельца «Золотого Льва».

Покорный воле провиденья,
Мой сын содержит заведение.

СПОР ГОРОДОВ О РОДИНЕ ГОМЕРА

Семь спорят городов о дедушке Гомере:
В них милостыню он просил у каждой двери!

ИЗ ГОРОДА БОСТОНА

Я родом из города Бостона,
Где в славе треска и горох,
Где Ловели видят лишь Кэботов,
А Ловелей — разве что бог!

НА УЧЕНУЮ КРАСАВИЦУ

Дафна, страсти избегая,
Навсегда осталась лавром,
А красавица другая
Стала нынче бакалавром.

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Надпись в соборе Эльджин

Какая шутка — наша жизнь земная!
Так раньше думал я. Теперь я это знаю.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Гинзбург. С. Я. Маршак и его школа 5

ИЗ РАЗНЫХ ПОЭТОВ

ИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

Вильям Шекспир

ИЗ СОНЕТОВ

«Ты притупи, о время, когти льва...»	25
«Не соревнуюсь я с творцами од...»	26
«Как тот актер, который, оробев...»	26
«Кто под звездой счастливою рожден...»	27
«Трудами изнурен, хочу уснуть...»	27
«Когда на суд безмолвных, тайных дум...»	28
«О, если ты тот день переживешь...»	29
«Блистательный мне был обещан день...»	29
«Заботливо готовясь в дальний путь...»	30
«Как богачу, доступно мне в любое...»	31
«Прекрасное прекрасней во сто крат...»	31
«Замшелый мрамор царственных могил...»	32
«Уж если медь, гранит, земля и море...»	32

«Зову я смерть. Мне видеть неvertepeж...»	33
«Дабы не мог тебя заставить свет...»	34
«Когда меня отправят под арест...»	34
«Увы, мой стих не блещет новизной...»	35
«Седины ваши зеркало покажет...»	35
«Тебе ль меня придется хоронить...»	36
«Уж если ты разлюбишь, — так теперь...»	37
«Кто, злом владея, зла не причинит...»	37
«Люблю, — но реже говорю об этом...»	38
«Не нахожу я времени примет...»	39
«Мешать соединенью двух сердец...»	39
«Для аппетита пряностью приправы...»	40
«Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть...»	41
«Ее глаза на звезды не похожи...»	41
«Моя душа, ядро земли греховной...»	42
Песня Балтазара. <i>Из комедии «Много шума из ничего»</i>	43
Песенка из «Зимней сказки»	43
Надгробный плач	44

Джон Донн

«Смерть, не гордись, когда тебя зовут...»	45
---	----

Джон Мильтон

О слепоте. <i>Сонет</i>	46
О Шекспире	47

Вильям Блейк

ИЗ «ПЕСЕН НЕВИННОСТИ»

Вступление	48
Агнец	49
Смеющаяся песня	50

Ночь	50
Из «Колыбельной песни»	52
Дитя-радость	53
О скорби ближнего	53

ИЗ «ПЕСЕН ОПЫТА»

Святой четверг	55
Муха	56
Тигр	56
Маленький бродяжка	57
Лондон	58
Человеческая абстракция	59
Древо яда	60
Заблудившийся мальчик	61
Школьник	62

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Словом высказать нельзя...»	64
Золотая часовня	64
Меч и серп	65
Летучая радость	65
Искательнице успеха	66
Мэри	66
Хрустальный чертог	68
«Что оратору нужно?...»	69
Мильтон. <i>Три отрывка из поэмы</i>	70
Из «Прорицаний невинности»	73
Из «Пословиц ада»	79

Роберт Бернс

Честная бедность	83
Джон Ячменное Зерно	85
Старая дружба	87
Маленькая баллада	89
Робин	89
Дерево свободы	91
Макферсон перед казнью	94
Возвращение солдата	95
Джон Андерсон	98
«Пробираясь до калитки...»	98
«Ты меня оставил, Джеми...»	99
«Где-то в пещере, в прибрежном краю...»	100
Расставание	100
Поцелуй	101
Заздравный тост	102
Финдлей	102
Шела О'Нил	103
Счастливый вдовец	104
Песня («Растет камыш среди реки...»)	105
Мельник	106
За тех, кто далёко	107
Строчки о войне и любви	108
В ячменном поле	108
Цветок Девона	110
Моему незаконнорожденному ребенку	110
Что делать девочке?	112
Песня («Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...»)	113
Ночлег в пути	114
«В полях, под снегом и дождем...»	116
Веселые нищие. <i>Кантата</i>	118

«Жена верна мне одному...»	132
Пастух	133
Кузнецу	134
«Якобиты на словах...»	135
Песенка («Жила-была тетка под старую ивой...»).	136
«Мою ладонь твоей накрой...»	136
«Наследница-дочь на охоте была...»	137
«Что сделала со мною мать...»	139

ЭПИГРАММЫ

«Всеми забыта, нема...»	140
К портрету духовного лица	140
Надпись на могиле школьного педанта	140
Надпись на могиле сельского волокиты	141
Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру	141

Вильям Вордсворт

Люси	142
Кукушка	145
Агасфер	146

Джордж Гордон Байрон

Расставание	148
Из «Еврейских мелодий»	
«Она идет во всей красе...»	150
«Ты плачешь — светятся слезой...»	151
«Вечерних облаков кайма...»	151
Солнце бессонных	151
«Не бродить нам вечер целый...»	153

Перси Биши Шелли

Зима	154
Лето и зима	154

Джон Китс

Слава	156
Кузнечик и сверчок	157
Стихи, написанные в Шотландии в домике Роберта Бернса	157
Осень	158
«Четыре разных времени в году...»	159
«Чему смеялся я сейчас во сне?..»	160
Сонет о сонете	160
Сонет («Тому, кто в городе был заточен...»)	161
Девонширской девушке	162

Альфред Теннисон

У моря	163
Дочь мельника	164

Роберт Браунинг

В Англии весной	165
---------------------------	-----

Роберт Льюис Стивенсон

Вересковый мед	166
--------------------------	-----

Альфред Эдвард Хаусмен

Кто этот грешник?	170
-----------------------------	-----

Редьярд Киплинг

Если...	171
-----------------	-----

Томми Аткинс	172
«На далекой Амазонке...»	174
«Если в стеклах каюты...»	175
«Есть у меня шестерка слуг...»	176
«Горб...»	177
Песнь Дарзи, птички-портняжки, в честь храброй мангусты Рикки-Тикки-Тави	178
Пехота в Африке	179
О всаднике и коне	181

Вильям Йейтс

Скрипач из Дунни	182
Старая песня, пропетая вновь	183

Джон Мэйсфилд

Морская лихорадка	184
-----------------------------	-----

Т. С. Элиот

Макавити	186
--------------------	-----

Эдвард Лир

Эдвард Лир о самом себе	188
В страну Джамблей	189

Льюис Кэрролл

Баллада о старом Вильяме	193
------------------------------------	-----

Александр Аллан Мильн

Баллада о королевском бутерброде	195
--	-----

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

Генрих Гейне

«Когда выхожу я утром...»	199
«Над пеною моря, раздумьем объят...»	200
«В почтовом возке мы катили...»	200
«Когда тебя женщина бросит, — забудь...»	200
«Как из пены вод рожденная...»	201
«Чтобы спящих не встревожить...»	201
Лорелей	202
«Рокочут трубы оркестра...»	203
«Двое перед разлукой...»	203
«Они мои дни омрачили...»	204
«Кто влюбился без надежды...»	204
«Как ты поступила со мною...»	204
«Весь отражен простором...»	205
«Не подтрунивай над чертом...»	205
«Какая дурная погода!..»	206
«За столиком чайным в гостиной...»	206
«С надлежащим уважением...»	207
«Материю песни, ее вещество...»	208
«Твои глаза — сапфира два...»	208
Большие обещания	209
«Кричат, негодуя, кастраты...»	210
Гонец	210
Погодите!	211
«Уходит Счастье без оглядки...»	211
«Я с любимой разлучился...»	212
«Большое море в блеске дня...»	212
«Будто призраки — мы оба...»	212
«Юноша девушку любит...»	213

ИЗ ВЕНГЕРСКИХ ПОЭТОВ

Шандор Петефи

Привал в пути	214
«Блаженны те, кому дано...»	215

ИЗ ЮГОСЛАВСКИХ ПОЭТОВ

Йован Йованович-Змай

Честь	216
Крапива	216
«На странный мост похожа ложь...»	217

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ И ШОТЛАНДСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ

Король и пастух	221
Робин Гуд и шериф	227
Баллада о мельнике и его жене	232
Женщина из Ашерс Велл	235
Королева Элинор	237
Графиня-цыганка	240
Русалка. <i>Морская песня</i>	242
Песня нищих	244
Из позабытых песен	246
1. «Западный ветер, повеи ты вновь...»	246
2. «Сквозь снег и град...»	246

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Гвоздь и подкова	247
Шалтай-Болтай	248
Три зверолова	248
Песня о самом себе	249
Ключ от королевства	250
Три мудреца	251
Если бы да кабы...	251
В гостях у королевы	252
О мальчиках и девочках	252
Жена в тачке	253
Муженек с ноготок	254
Дом, который построил Джек	255

ЭПИГРАММЫ

На художника-портретиста	258
Эпитафия скряге	258
На смерть похоронных дел мастера	258
О грамотности	259
О поцелуе	259
Веточка	259
О дураках	260
Надпись на камне	260
Про одного философа	260
Про другого философа	261
По теории относительности	261
На Ньютона и Эйнштейна	261
Эпитафия шоферу	261
Вечная тайна	262
О ханже и его лошади	262
Надпись на могиле гренадера Хемпширского полка	262

Маленькая неточность	262
Старая и новая	263
О пьянстве	263
О том же	263
Наследственность по Менделю	264
Наследство	264
О грушах	264
Дождик	264
Загадочная женщина	265
«Как мог...»	265
Король и кошка	265
Репа и отец	266
Эпитафия-объявление	266
Спор городов о родине Гомера	266
Из города Бостона	266
На ученую красавицу	267
Эпитафия самому себе	267

Художественный редактор *А. Куцов*
Технический редактор *Н. Андрианова*
Корректор *Р. Прицкер*

Подп. к печ. 31/VIII 72 г. Формат 70x108^{1/32}
Бум. п. 4^{3/8}. Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 8,85.
Изд. № 12/13075. Заказ 1703. Цена 61 к.

Издательство «Прогресс» Государственного
Комитета Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 5
Главполиграфпрома
Государственного Комитета Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, Мало-Московская, 21